

СОЛОНИН

презентация-схема

1.1 Почему возможны новые, опровергающие прежние, трактовки событий ВОВ?

1.2. Летом 1941 г. Красная Армия потерпела небывалое в истории сокрушительное поражение.

1.3 Потери наступающего вермахта были значительно меньше потерь Красной Армии.

1.4. Разгромленная Красная Армия значительно превосходила вермахт по численности

1.5. Советская военная техника не уступала по своим ТТХ лучшим мировым образцам

1.6. Внезапное нападение - миф или реальность?

1.7. Незавершенность стратегического развертывания

1.8. Главный тезис : причина поражения - человеческий фактор

1.9. Возможна ли объективная оценка боевого духа (мотивации) армии?

1.10 Основные критерии оценки

1.11 Дополнительные критерии оценки

1.12. Оценка ситуации советским руководством и командованием Красной Армии.

1.13 Обсуждение ПРИЧИН такой низкой мотивации выходит за рамки исследования.

1.14 Почему эта концепция встречает огромное сопротивление

1.1 Почему возможны новые, опровергающие прежние, трактовки событий ВОВ?

От страшного лета 41-го года до момента распада СССР прошло ровно полвека.

За это время в СССР были написаны десятки тысяч книг и научных статей, всесторонне анализирующих события той войны. Возможно ли после этого появление исследования, опровергающего выводы, к которым единодушно пришли тысячи советских историков?

Да, конечно, возможно. Более того - абсолютно необходимо. Почему? Потому, что тысячи книг и статей были написаны "бойцами идеологического фронта партии" (они сами себя с гордостью называли так). А на войне, как на войне. Сказать правду - предательство. Обмануть - дело доблести и героизма. Военно-историческая мифология, созданная партийными "бойцами", имела своей целью "патриотическое воспитание трудящихся", т.е. манипулирование общественным сознанием, подкрепленное цензурой, "железным занавесом" от окружающего мира и репрессиями против инакомыслящих. Попытка поиска исторической правды называлась "проявлением буржуазного объективизма" и вполне откровенно осуждалась.

Более того, добросовестное изучение истории войны было бы чрезвычайно затруднительно даже для субъективно честного историка. Тоталитарная сталинская империя (СССР) не была разгромлена (так, как это произошло в результате Второй Мировой войны с "тысячелетним рейхом" нацистских преступников). Никто из переживших Сталина высших руководителей СССР (нарком обороны Тимошенко, начальник Генштаба Жуков, нарком иностранных дел Молотов, нарком внутренних дел Берия, их заместители и подчиненные) не предстал перед независимым судом или парламентской комиссией. Государственные (в том числе военные) архивы СССР на протяжении полувека были наглухо закрыты для не ангажированных властью исследователей. [Огромный массив документов недоступен историкам и по сей день.](#)

Вот почему критический пересмотр советской пропагандистской версии истории Великой Отечественной войны абсолютно необходим.

Важнейшие документы высшего военно-политического руководства СССР переданы в так называемый "архив Президента" (и это при том, что никаких "президентов" в СССР не было, не могло быть и соответствующих документальных фондов). Это "тайное хранилище" даже не входит в систему Государственной архивной службы и отсутствует в официальном перечне федеральных архивов; доступ к материалам АП для независимых исследователей закрыт абсолютно. Практически столь же недоступны и архивные фонды НКВД (МВД/КГБ) и МИДа.

К началу 2005 года из 10 млн. архивных дел периода Великой Отечественной войны, находящихся в Центральном архиве Министерства обороны (ЦАМО), на секретном хранении находилось 8 млн. дел. Архивные фонды высшего уровня военного руководства (Генштаб РККА, наркомат обороны), входящие в состав ЦАМО, в основном засекречены; независимым исследователям доступна лишь малая толика документов, рассекреченных еще в начале 90-х годов. В 2002-2006 г.г. приказами Министра обороны РФ был установлен перечень из 20-ти категорий архивных дел периода ВОВ, которые не подлежат рассекречиванию, причем засекречен был и сам перечень! В мае 2007 г. эти указания были формально отменены, однако фактически их заменил отказ в предоставлении информации (включая ранее рассекреченные документы!) под предлогом защиты "тайны личной жизни". И это при том, что исполнение гражданином обязанностей государственной (в частности – воинской) службы в принципе не может быть отнесено к категории «личной (частной) жизни». Вся эта, продолжающаяся и по сей день, вакханалия вопиющим образом противоречит [действующему законодательству](#) Российской Федерации.

Законный порядок таков. Конституция РФ (ст.29, пункт 4) гласит: *"Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом"*. Разумеется, бывает информация, отнесенная к разряду государственной тайны. Есть федеральный Закон о гостайне. Установленный Законом срок засекречивания информации - 30 лет. В исключительных случаях полномочные государственные органы могут продлить срок засекречивания - но не более, чем на 5 лет (одним решением) и с мотивированным письменным обоснованием.

Принимая во внимание, что системы вооружений 40-х годов давно и безнадежно устарели; учитывая, что топографическая информация сейчас доступна даже в бесплатном Интернете; учитывая, что территория бывшего театра военных действий по большей части уже не входит в состав России (соответственно, оберегать информацию о пропускной способности дорожной сети уже нет смысла); учитывая, что агенты разведывательных органов времен войны давно умерли (или пребывают на заслуженном отдыхе), учитывая все это, невозможно придумать причину, в силу которой рассекречивание документов эпохи 2МВ (за особыми, редчайшими исключениями) могло бы нанести ущерб обороноспособности России.

В любом случае, война закончилась 65 лет назад. Установленный Законом срок засекречивания истек дважды. Из этого следует, что каждый гражданин РФ вправе ознакомиться - или с любым документом 39-45 г.г. выпуска, или с принятым компетентным государственным органом РФ решением о продлении срока секретности данного конкретного документа и точной датой окончательного рассекречивания. Однако ничего подобного не происходит. Соккрытие информации осуществляется безо всякой видимости соблюдения законного порядка.

В целом остается констатировать, что власть, во-первых, продолжает считать себя политическим правопреемником сталинского режима и заботится о защите его "репутации"; во-вторых, отчетливо понимает тотальную лживость советской версии истории войны; в-третьих, отказываясь рассекретить документы 65-летней давности, осознано и целенаправленно препятствует научному поиску.

Впрочем, будем справедливы - в современной России препятствовать "научному поиску" не просто, а очень просто. Так называемое "научно-историческое сообщество" не очень-то и сопротивляется ("я сам обманываться рад"). И удивляться тут нечему - за редкими исключениями исторические кафедры любого вуза, академические институты и редакции научно-исторических журналов возглавляют все те же престарелые "бойцы идеологического фронта". Так, директору Института всеобщей истории Российской академии наук А.О. Чубарьяну 78 лет, директору Института российской истории А.Н. Сахарову 79 лет, Президенту Ассоциации историков Второй мировой войны, профессору О.А. Ржешевскому 80 лет, президенту Академии военных наук М.А.Гарееву 86 лет.

Не говоря уже о том, что эти и им подобные "товарищи" в силу своего весьма почтенного возраста едва ли способны к напряженной исследовательской работе, у каждого из них накоплен огромный личный опыт "научного обслуживания" власть предержащих - полвека они послушно "колебались вместе с генеральной линией партии". Единственное, что изменилось за последние 15-20 лет (если деликатно промолчать про нарастающий старческий маразм) - это таблички. Никакого "научного коммунизма" больше нет. Боже упаси, теперь это будет называться "кафедра социологии и антропософии"...

Сохранились не только "маститые ученые" сталинско-брежневской школы исторической фальсификации, практически неизменными остались структуры и "правила игры" в официальной (т.е. финансируемой за счет налогоплательщиков) исторической науке. В полной сохранности пребывает система "подбора и расстановки кадров", сформированная в 1934 году (памятный был год, год "съезда победителя", год создания "Союза советских писателей") - кандидат наук, доктор наук, диссертационный совет, ВАК (высшая аттестационная комиссия), "ваковский журнал"...

Ничего подобного нигде в мире (за исключением ряда стран СНГ и Болгарии) не было и нет - не дайте обмануть себя схожестью звучания некоторых терминов. То, что на Западе называется Ph.D ("доктор философии" в дословном переводе), не имеет ничего общего с нашим "кандидатством". В чем разница? Государство не вмешивается в процедуру (звание Ph.D присваивает ученый совет университета, его решение является окончательным и не требует утверждения "свыше"), но и не платит за "ученую степень" ни копейки (цента, пенса, шиллинга) бюджетных денег. Что же касается советско-российского "докторства", то этот институт аналогов не имеет. И уж тем более - нигде в цивилизованной мире нет монопольной структуры (ВАК), которая от имени государства назначает в "выдающиеся ученые".

Сказать, что такая система порождает тотальную коррупцию - значит не сказать ничего. Регистрация "ваковского журнала" (журнал, в котором соискатель обязан опубликовать фиксированное количество текстов) стала одним из прибыльных видов бизнеса по-российски. *"Все оценено, и даже цены приведены во всеобщую известность"* (Н.В.Гоголь). Интернет переполнен объявлениями: "кандидатские и докторские диссертации, быстро, недорого". Сделка обоюдовыгодная: затраты окупаются за счет ежемесячных государственных надбавок "за степень", т.е. в конечном итоге за счет кармана ничего не подозревающего налогоплательщика - не говоря уже о том, что "ученая степень" является необходимым условием занятия определенных должностей. Все, как в армии. Странно, что еще нет формы и знаков различия.

1.2. Летом 1941 г. Красная Армия потерпела небывалое в истории сокрушительное поражение.

То, что произошло летом 1941 года с Красной Армией, советские "историки" называли "временными неудачами", "вынужденным отступлением", "проигрышем приграничного сражения". Такие формулировки преднамеренно снижали остроту проблемы, делали излишним поиск подлинных причин произошедшего. Здравый смысл и личный опыт каждого взрослого человека сразу же подсказывал, что "временные неудачи" случаются в деятельности практически любой системы - стоит ли удивляться тому, что и Красная Армия пережила однажды "временную неудачу"?

Однако летом 41-го произошло нечто другое - крупнейшая сухопутная армия мира понесла сокрушительное поражение. Она оказалась одинаково неспособна ни к обороне, ни к наступлению. История не знала [военной катастрофы такого масштаба](#). В течение нескольких недель было потеряно тяжелое вооружение (танки, самолеты, артсистемы), на создание которого было потрачено десять лет непосильного труда и огромные сырьевые ресурсы богатейшей страны мира (СССР). За 15-20 первых дней войны немцы продвинулись на 350-500 км и заняли территорию площадью в 700 тыс. кв. км, что примерно в три раза больше территории Польши, оккупированной вермахтом в сентябре 1939 года, и в шесть раз больше территории Бельгии, Нидерландов и клочка северо-восточной Франции, захваченной вермахтом в мае 1940 г. [Огромные пространства](#), потерянные до конца осени 1941 года, пришлось позднее возвращать ценой многомиллионных жертв в течение трех лет войны.

Первая стратегическая задача, поставленная перед вермахтом по плану "Барбаросса" (*"основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев..."*), была выполнена уже к середине июля 1941 г. Войска Северо-Западного и Западного фронтов (Прибалтика и Белоруссия), насчитывающие более 70 дивизий были разгромлены, отброшены на 350-450 км к востоку от границы, рассеяны по лесам или взяты в плен. Чуть позднее то же самое произошло и с новыми 60 дивизиями, введенными в состав этих двух фронтов в период с 22 июня по 9 июля.

Практически вся техника и тяжелое вооружение войск западных округов были потеряны. К 6-9 июля войска Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов потеряли 11,7 тыс. танков, 19 тыс. орудий и минометов, более 1 млн. единиц стрелкового оружия. Особенно тяжелые, практически невозполнимые потери понесли танковые войска. Уже 15 июля 1941 г. остатки мехкорпусов были официально расформированы.

К концу сентября 1941 г. Красная Армия только в ходе в семи основных стратегических операций потеряла 15.500 танков, 66.900 орудий и минометов, 3,8 млн. единиц стрелкового оружия. Потери авиации к концу июля достигли отметки в 10.000 боевых самолетов. С потерями противника эти цифры даже невозможно сравнивать - у немцев просто не было такого количества тяжелых вооружений.

Всего в 1941 г. безвозвратные оперативные потери личного состава Красной Армии составили порядка 7 млн. человек - далеко не каждая европейская страна имеет взрослое мужское население такой численности.

Иллюстрации:

- Рис. 11. Немецкие солдаты позируют на фоне брошенной техники Красной Армии.

Безвозвратные оперативные потери - это убитые, умершие от ран в госпиталях, уволенные из армии вследствие ранения ("комиссованные", как говорили в народе) и так называемые "пропавшие без вести".

1 мая 1942 г. начальник организационно-учетного отдела Оперативного управления Генерального штаба Красной Армии полковник Ефремов подписал справку "О численности Красной Армии, пополнении и потерях за период с начала войны до 1 марта 1942 г." В этом документе приведено много цифр, а заканчивается он следующими двумя предложениями:

"Всего должно быть в Красной Армии с учетом потерь **14.197.000 чел.**

*Фактически по данным оргштатного управления на 1 марта 1942 г. в Красной Армии **имеется 9.315.000"**.*

Точка. Дата. Подпись. Никаких комментариев к безвестному отсутствию без малого пяти миллионов (4.882 тыс., если быть точным) военнослужащих полковник Ефремов не дает. **Ученные** безвозвратные потери определены в докладе цифрой в 3.217 тыс. человек.

Суммируя обе составляющие (3.217 тыс. учтенных безвозвратных потерь и 4.882 тыс. безвестно отсутствующих), мы получаем общую оценку "убыли" личного состава в 8 млн. (восемь миллионов) человек. Разумеется, речь может идти только об ориентировочной оценке - точные цифры потерь 41-го года едва ли будут когда-либо названы.

В том, что эта оценка отнюдь не завышена, можно убедиться через расчет баланса численности личного состава Действующей армии.

По данным, приведенным в докладе Ефремова, к 1 августа 1941 г. в составе действующих фронтов числилось 3.242 тыс. человек, к 1 декабря 1941 г. - 3.267 тыс. Другими словами, общая численность Действующей армии почти не меняется - но при этом военкоматы мобилизуют и передают в состав Вооруженных Сил миллионы людей (от 11,8 до 14 млн. - по данным разных источников - во втором полугодии 1941 г.). Число военнослужащих во внутренних округах (все по тому же по докладу Ефремова) от момента начала войны до 1 декабря 1941 г. увеличилось не более, чем на 3 млн. человек. Остальные мобилизованные (как минимум, $11,8 - 3 = 8,8$ млн.) потеряны безвозвратно на фронте.

Еще один возможный способ оценки безвозвратных потерь 1941 года - суммирование известных составляющих потерь.

Пленные. Судя по трофейным документам (а вовсе не по пропагандистским заявлениям) вермахта, в 1941 г. в плен было взято порядка 3,8 млн. человек. Однако, надо иметь в виду, что порядок с учетом военнопленных был налажен лишь к середине 1942 г. До этого момента имели места как массовое освобождение военнопленных ряда национальностей (осенью 1941 года было освобождено 319 тыс. украинцев и прибалтов), так и несравненно более массовая гибель военнопленных во временных лагерях на оккупированных территориях СССР (считается, что в первую военную зиму от голода, эпидемий и холода погибло порядка 1,5-2,0 млн. пленных).

Дезертиры. Сама природа этого явления исключает возможность точного (тем паче - поименного) учета. Известно, что дезертиров было много. Так, в 1941 г. органами НКВД было задержано 710.755 дезертиров; кроме того, до 1 апреля 1942 г. было задержаны 636.477 "военнослужащих, отставших и потерявших свои части". (данные из доклада начальника Отдела по борьбе с бандитизмом НКВД СССР А.М.Леонтьева от 30 августа 1944 г.). Несмотря на формальную точность (вплоть до одного человека) эти отчеты, разумеется, не дают полной картины произошедшего. Огромное количество дезертиров осталось на оккупированной противником территории, где органы НКВД не могли их ни задержать, ни учесть. Некоторое представление об их количестве может дать цифра "призванных повторно". Этим странным термином в советских документах обозначены бойцы и командиры Красной Армии, которые по разным причинам "потеряли" свою воинскую часть и остались на оккупированной немцами территории, а в 43-44 г.г. были повторно поставлены под ружье. Таковых набралось (по данным вполне официального сборника "Гриф секретности снят") 940 тыс. человек. При этом не следует забывать и о том, что исходное число "потерявшихся" было значительно больше - часть дезертиров поступила на службу к оккупантам, часть ушла на Запад вместе с отступающей немецкой армией. В целом можно предположить, что в 1941 г. по этой графе ("потерявшие свою часть") из Красной Армии убыло порядка 1 - 1,5 млн. человек.

Убитые, умершие от ран в госпиталях и демобилизованные по ранению. Число убитых, **отраженное в докладах и донесениях штабов**, статистический сборник "Гриф секретности снят" определяет в 567 тыс. человек. Умерших от ран в госпиталях или демобилизованных вследствие ранения (по упомянутой выше справке Ефремова) к 1 марта 1942 г. насчитывалось 665 тыс. человек - и это единственная составляющая потеря, которая могла быть определена с достаточной точностью (в тылу и порядка было больше, и учет был двойной - при поступлении в госпиталь и при "комиссовании"). С известной погрешностью можно предположить, что по состоянию на 1 января 1942 г. таковых насчитывалось 6/8 от общего числа в 665, т. е. порядка 500 тыс. человек.

Таким образом, суммирование поддающихся оценке составляющих безвозвратных потерь 41-го года приводит к цифрам порядка 6 - 6,5 млн. человек, однако в этой сумме не учтена еще одна, несомненно значительная, но никому точно не известная составляющая - число убитых и умерших от ран, о гибели которых не сохранилось никаких документов, и брошенных на произвол судьбы раненых. Учитывая, что десятки дивизий Красной Армии была разгромлены в "котлах" окружения, а штабные документы при этом были безвозвратно утеряны, таких "безвозвратно пропавших без вести" могло быть очень много.

В период с 22 июня по 9 июля немцы заняли Литву, Латвию, почти всю Белоруссию, форсировал Буг, Неман, Западную Двину, Березину и Днепр. 9 июля немцы заняли Псков, 16 июля - Смоленск. Две трети расстояния от западной границы до Ленинграда и Москвы было пройдено менее, чем за месяц. В полосе Юго-Западного фронта к середине июля 1941 г. танковые части вермахта заняли Житомир и Бердичев, вышли к пригородам Киева. В целом, в первые две недели войны темп немецкого наступления превышал темп марша, с которым в сентябре 1939 г. Красная Армия, преодолевая разрозненное сопротивление остатков польской армии, заняла территорию т.н. "западной Белоруссии" и "западной Украины".

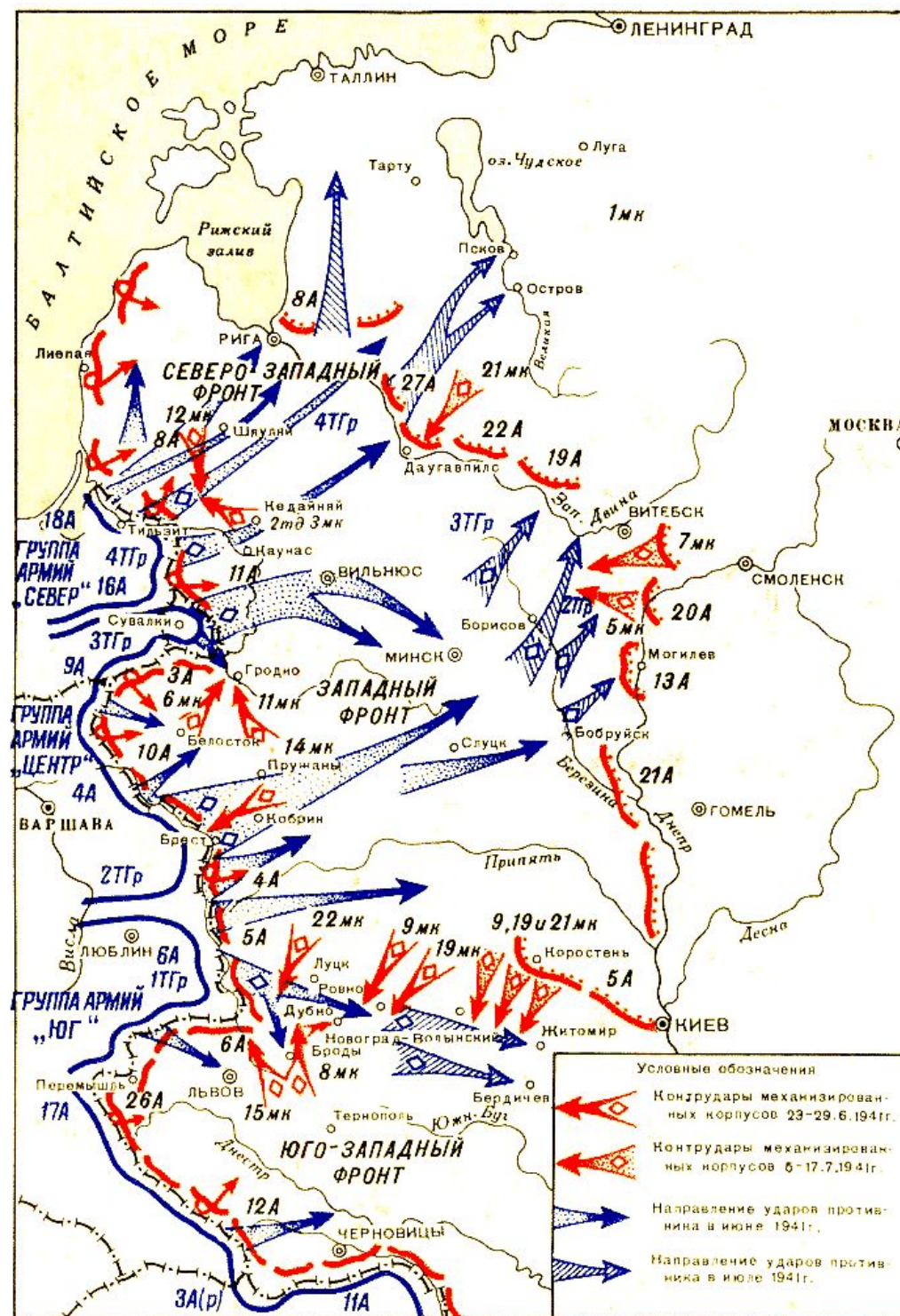
В ноябре 1941 г. немцы находились на линии Тихвин, Тверь (Калинин), Тула, Орел, Харьков, Таганрог; блокировали Ленинград, заняли Крым (за исключением города и порта Севастополь). Глубина продвижения вермахта составила от 800 до 1000 км; площадь оккупированной территории примерно соответствовала территории Франции, Германии, Польши и Чехословакии вместе взятых.

Иллюстрации:

[- Карта № 1 Боевые действия 22.06 - 10.07 1941 г.](#)

[- Карта № 2 Линия фронта по состоянию на середину июля, конец сентября и начало декабря 1941 г.](#)

Карта 1. Боевые действия 22.06 - 10.07 1941г.

Карта 2. Линия фронта по состоянию на середину июля, конец сентября и начало декабря 1941г.

1.3 Потери наступающего вермахта были значительно меньше потерь Красной Армии.

Феноменальный успех достался противнику сравнительно низкой ценой. В 1941 г. потери успешно наступающего вермахта оказались во много раз меньше потерь обороняющихся (Красной Армии), причем соотношение потерь личного состава выразилось двузначными числами. Эта реальность противоречит всем канонам военной науки - боевые потери наступающего должны быть больше потерь обороняющегося. Обратная пропорция возможна разве что в том случае, когда белые колонизаторы, приплывшие в Африку с пушками и ружьями, наступают на аборигенов, обороняющихся копьями и мотыгами. Но летом 1941 г. на западных границах СССР была совсем другая ситуация: разгромленная Красная Армия значительно превосходила противника по количеству боевой техники.

Общие (убитые, раненые, пропавшие без вести) [потери вермахта](#) на Восточном фронте (по записям в "Военном дневнике" начальника штаба сухопутных войск Германии генерал-полковника Ф.Гальдера) составили

- 64.132 человек к 6 июля 1941 г.

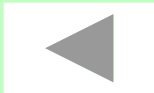
- 92.120 человек к 13 июля 1941 г.

Даже большая из этих цифр составляет лишь 3% от общей численности группировки.

Войска Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов в период с 22 июня по 6-9 июля потеряли 749 тыс. человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Важно отметить, что указанная цифра потерь Красной Армии не включает потери тех частей и соединений Второго Стратегического эшелона, которые уже в начале июля приняли участие в боевых действиях; не включает потери Северного фронта (Ленинградский ВО) и Южного фронта (Одесский ВО), которые начали активные боевые действия, соответственно, 29 июня и 2 июля 1941 г.

Не менее красноречивы и цифры, характеризующие соотношение потерь боевой техники. Красная Армия уже к 9 июля 1941 г. потеряла безвозвратно 11,7 тыс. танков, а безвозвратные потери танковых дивизий вермахта к началу августа 1941 г. составили всего 503 танка. К этой цифре следует добавить потерю 21 "штурмового орудия" Stug-III. Можно приплюсовать и потерю 92 танкеток Pz-I. Даже при таком подходе соотношение безвозвратных потерь бронетехники сторон составляет 1 к 19.

В целом до конца 1941 г. безвозвратные потери вермахта на Восточном фронте, по самым максимальным оценкам, составили 250-300 тыс. человек. Безвозвратные потери Красной Армии (с учетом пропавших без вести, пленных и дезертиров) - не менее 7 млн. чел. Безвозвратные (с учётом отправленных для ремонта на заводы) потери немецких танков составили 2.740 единиц, Красная Армия потеряла в 1941 году 20.500 танков; соотношение потерь 7,5 к 1.

Уместно привести для сравнения и цифры потерь Красной Армии при освобождении тех территорий, которые были захвачены немцами к 10 июля 1941 г. Разумеется, верховное командование Красной Армии не строило свои стратегические планы исходя из удобства будущих историков. И тем не менее, большая часть территории Латвии, Литвы, Белоруссии, западных областей Украины, Молдавии была освобождена в 1944 году в ходе четырех стратегических операций :

- Прибалтийская (14 сентября - 24 ноября)
- Белорусская (23 июня - 29 августа)
- Львовско-Сандомирская (13 июля - 29 августа)
- Яско-Кишеневская (20-29 августа)

Только в этих четырех наступательных операциях потери Красная Армия составили 1,4 млн. человек, в том числе 318 тыс. убитых и пропавших без вести. Другими словами, потери при освобождении в 15 раз превзошли потери вермахта при оккупации тех же самых территорий.

В ходе войны с Польшей (сентябрь 1939 г.) немцы потеряли 16,5 тыс. убитых и пропавших без вести, 30 тыс. раненых. Польская армия по числу дивизий уступала советским войскам западных военных округов (Первый Стратегический эшелон) примерно в пять раз. Техническая оснащенность польской и советской армий были абсолютно несопоставимы. Тем не менее, потери немцев в Польше оказались вполне сопоставимы (лишь в 1,5-2 раза меньше) с потерями, которые они понесли при разгроме войск Первого Стратегического эшелона Красной Армии

Боевые действия мая 1940 г. (то, что советская историческая на протяжении полувека называла "триумфальным маршем вермахта") происходили на "пяточке" с максимальными расстояниями в 300 км по фронту (от южной оконечности Люксембурга до устья Рейна в Голландии) и 250 км в глубину. Это примерно соответствует размерам Литвы, которую одна из трех, самая малочисленная, Группа Армий "Север" заняла за неделю.

Имеет смысл сравнить и численность группировки советских и западных (англо-франко-бельгийских) войск. Если 22 июня в составе войск четырех приграничных округов (Прибалтийский, Западный, Киевский, Одесский) была 151 "расчетная" дивизия (не считая по меньшей мере 16 дивизий Второго Стратегического эшелона, которые к началу войны уже находились на западном ТВД, и не считая войска Ленинградского округа), то в мае 1940 г. западные союзники имели:

- 28 французских дивизий в составе 7-й, 1-й, 9-й и 2-й Армий
- 14 дивизий резерва, развернутые в районе Шалон-сюр-Марн, Сен-Кантен
- 9 английских дивизий
- 22 бельгийские
- 10 голландских

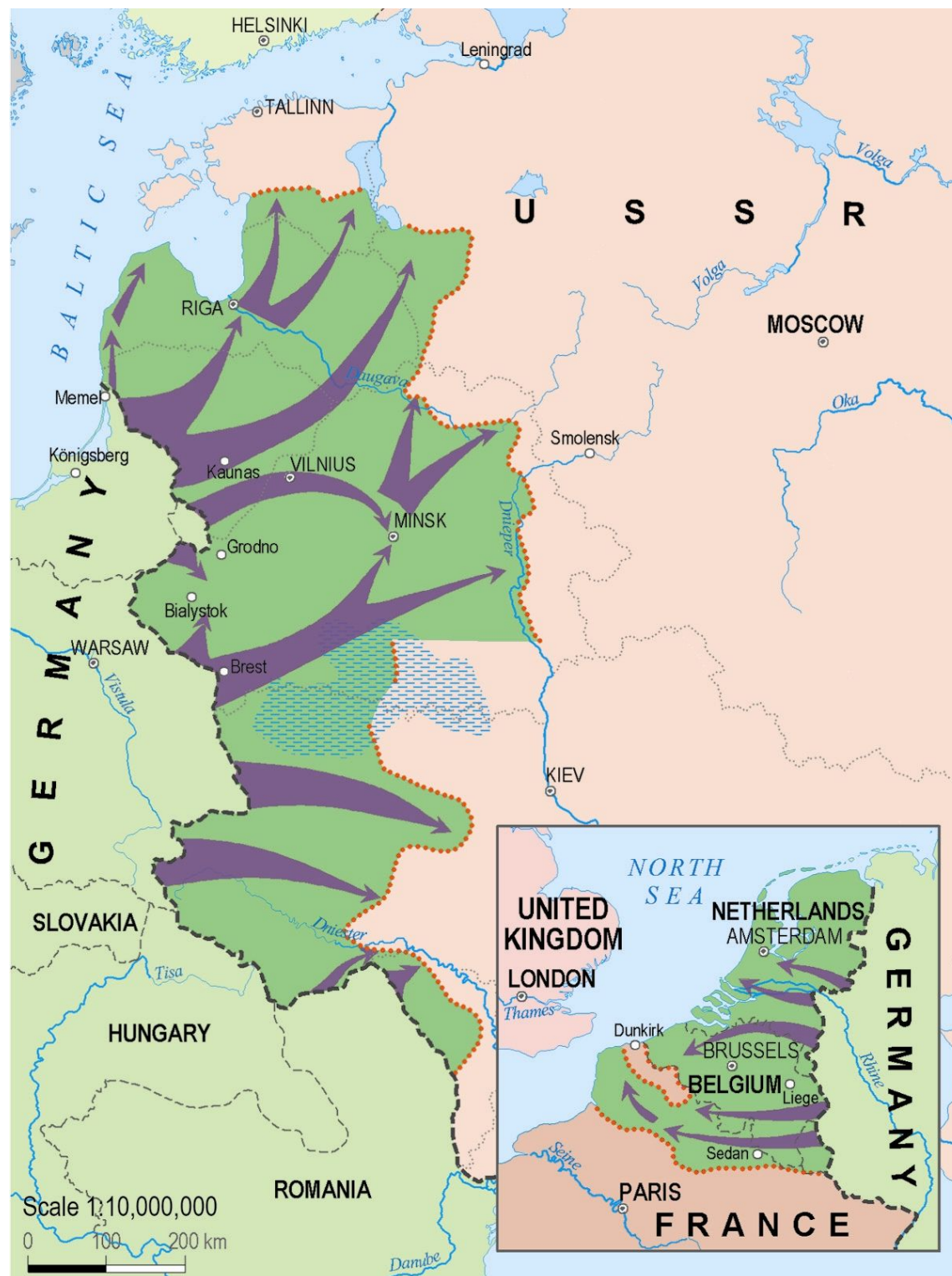
всего 83 дивизии - и это если игнорировать существенную разницу в вооружении, оснащении и боевой подготовке между армиями великих держав и "карманными" армиями Бельгии и Голландии, относительно большая численность которых была достигнута лишь за счет мобилизации необученных и новобранцев.

При этом за все время кампании на Западном фронте (май-июнь 1940 г.) немцы потеряли 49 тыс. убитых и пропавших без вести, 111 тыс. раненых, всего порядка 160 тыс. человек. Это значительно больше потерь вермахта (90-100 тыс. человек) на Восточном фронте к середине июля 1941 года (т.е. к тому моменту, когда результат, достигнутый немецкими войсками - численность разгромленных войск противника, глубина наступления, захваченные трофеи - превысил все военные достижения французской кампании).

Заслуживает внимания и соотношение потерь немецких танков на Западном (май-июнь 1940 г.) и Восточном (июнь-июль 1941 г.) фронтах. На Западе вермахт потерял 640 танков, в том числе 232 средних (Pz-III и Pz-IV). На Восточном фронте к концу июля 1941 года - 503 танка, в том числе 249 средних. Цифры удивительные - особенно принимая во внимание тот факт, что основным орудием французской ПТО была 25-мм "Марианна", а противотанковые вооружения Красной Армии начинались с 45-мм пушек в стрелковых дивизиях и заканчивались 76-мм и 85-мм пушками в составе противотанковых бригад РКК. В приведенные выше цифры не включены потери пулеметных танкеток Pz-I. Во-первых, потому, что это не танк; во-вторых, потому, что большие их потери во Франции (182 единицы) сделают сравнение потерь еще более сюрреалистическим.

Карта 3. Линия продвижения немецких войск за первые 20 дней боевых действий на Западном фронте (май 1940 г.) и на Восточном фронте (июнь-июль 1941 г.)

1.4. Разгромленная Красная Армия значительно превосходила вермахт по численности

На протяжении полувека советские "историки" рассказывали про "численно превосходящие силы вермахта", про "многократное превосходство противника в танках и авиации". Такие утверждения нельзя назвать ни мифом, ни ошибкой. Это - осознанная, преднамеренная ложь. Красная Армия превосходила противника по всем важнейшим количественным показателям. В особенности - по числу танков и танковых (механизированных) соединений, по числу самолетов и авиационных эскадрилий. Во много раз большими, нежели у вермахта, были и возможности командования Красной Армии по наращиванию сил в ходе начавшейся войны.

Группировка немецких войск (вермахт и боевые части СС) на советско-германском фронте состояла из трех Групп Армий ("Север", "Центр", "Юг") и части сил Армии "Норвегия". В составе этой группировки (Первого Стратегического эшелона) было 86 пехотных дивизий (в это число включены также 4 горнопехотные, 4 легкопехотные и 1 кавалерийская дивизия). В составе Второго Стратегического эшелона (резервы ГК) было 20 пехотных дивизий (причем далеко не все они были введены в действие в первый месяц войны). Итого: 106 пехотных (или подобных им) дивизий. Стоит обратить внимание и на относительную малочисленность резерва ГК (19% от общего числа дивизий)

В составе войск четырех приграничных округов Красной Армии (Прибалтийский, Западный, Киевский и Одесский) было 95 "расчетных" стрелковых дивизий (в том числе 7 горнострелковых; 7 кавалерийских дивизий + 12 воздушно-десантных бригад учтены здесь как 7 "расчетных дивизий"). Таким образом, даже в первые дни боевых действий Красная Армия имела некоторое превосходство (95 против 86) в числе пехотных (стрелковых) дивизий. В первой половине июля 41-го в бой вступили соединения Второго Стратегического эшелона (не менее 70 стрелковых дивизий). Итого: 165 стрелковых дивизий.

Значительно большим (многократным) было численное превосходство Красной Армии в танках и танковых соединениях. В составе Групп Армий вермахта было 17 танковых дивизий. Во Втором эшелоне (резерве ГК) числились две танковые дивизии (2-я и 5-я), которые в июне 41-го находились на переформировании; на Восточный фронт они прибыли лишь осенью, к началу битвы за Москву.

В составе войск четырех приграничных округов Красной Армии было 36 танковых дивизий, в Ленинградском округе - 4 танковые дивизии, в армиях Второго Стратегического эшелона - 5 танковых дивизий. Всего 45 танковых дивизий. Кроме того, фактически "танковыми" были моторизованные дивизии Красной Армии (по штатному числу танков они даже превосходили танковую дивизию вермахта). В составе Первого и Второго стратегических эшелонов Красной Армии было 22 моторизованные дивизии. В составе Групп Армий вермахта было 15,5 "расчетных" моторизованных дивизий (включая отдельные моторизованные бригады и полки вермахта и СС), но немецкая моторизованная дивизия не имела танков и фактически представляла собой высоко-подвижную пехотную дивизию сокращенного состава.

Что касается собственно танков, то на вооружении 17 танковых дивизий вермахта, развернутых к 22 июня у границ СССР, числилось 3.114 танков (включая 146 "командирских танков" с макетом пушки в башне). Кроме того, войска вторжения имели 258 "штурмовых орудий" (шасси среднего танка Pz-III, на котором в неподвижной броневой рубке была установлена 75-мм короткоствольная пушка) и 156 самоходных "истребителей танков" (чешская 47-мм противотанковая пушка, установленная в открытой рубке на шасси танкетки Pz-I). Итого: 3.528 танков и САУ.

Для полноты картины можно учесть также 152 учебно-боевые танкетки Pz-I, 106 трофейных легких французских танков, 117 огнеметных танков и 24 самоходных 150-мм легких (по энергетике она уступала советской дивизионной "трехдюймовке") гаубиц. В целом, набирается почти четыре тысячи единиц бронетехники.

На вооружении советских танковых и механизированных дивизий (не учитывая танковые полки кавалерийских дивизий), введенных в бой в первые две-три недели войны, числилось 12.536 танков. Кроме того, не менее полутора тысяч легких плавающих танкеток Т-37/Т-38 находилось в составе разведывательных подразделений стрелковых дивизий и корпусов. В целом же танковый парк Красной Армии на 1 июня 1941 г. насчитывал 19.540 танков (не считая 3,6 тыс. плавающих Т-37/Т-38/Т-40). Кроме того, на вооружении Красной Армии числилось 3.258 пушечных бронеавтомобилей, по своему вооружению (45-мм пушка в танковой башне) превосходивших две трети того, что в вермахте называлось словом "танк".

Столь же бесспорным было и [численное превосходство советских ВВС](#)

Цифры, характеризующие состав и численность Красной Армии образца июня 1941 года, "слишком велики" - они сразу же разваливают привычный миф про "многократное численное превосходство" противника. Неудивительно, что наряду со множеством иных шулерских уловок, появилась (и размножилась в сотнях публикаций) вздорная выдумка о том, что советская стрелковая дивизия предвоенного времени была якобы в два (или даже в три!) раза меньше немецкой пехотной дивизии.

Это чушь, такого в реальности не было и быть не могло. Дело в том, что все армии мира пытались сформировать основную тактическую единицу сухопутных войск (дивизию) в таком виде, чтобы она по своему боевому потенциалу **как минимум не уступала** дивизии потенциального противника. Старались все. Получалось не у всех, и, например, польская или финская дивизии образца 1939 г. уступали "мировым лидерам" по ряду важных параметров (прежде всего - по артиллерии, автомобилям и тягачам). Что же касается Советского Союза, то стрелковая дивизия Красной Армии, на вооружение которой с рассвета до рассвета работала огромная страна, не уступала никому.

Немецкая пехотная и советская стрелковая дивизии имели в своем составе по три пехотных (стрелковых) полка, по три батальона в каждом. Как видим, имеет место полное структурное тождество. Однако, за счет несколько большей численности основных подразделений (в немецком пехотном отделении 10 человек, в советском стрелковом - 11; у немцев в полку взвод связи и саперный взвод, а в советском стрелковом полку - рота связи и саперная рота) штатная численность стрелкового полка советской дивизии была несколько (3182 против 3049) больше штатной численности немецкого пехотного полка.

Впрочем, для армий 20-го века (в отличие от века каменного) гораздо важнее сравнение огневых средств, нежели пересчет людей. По штатному расписанию апреля 1941 г. стрелковой дивизии Красной Армии полагалось 10,4 тыс. винтовок, 558 пулеметов (166 станковых и 392 ручных); в пехотной дивизии вермахта - 11,5 тыс. винтовок и 563 пулемета (138 станковых и 425 ручных). Пресловутыми "шмайсерами" (пистолет-пулемет МП-40, к созданию которого Шмайсер никакого отношения не имел) было вооружено менее 5% личного состава пехотной дивизии вермахта. Некоторым прообразом того, что сегодня называется "автомат", могли бы считаться не немецкий МП-40 или советский пистолет-пулемет ППШ, а самозарядная винтовка Токарева (СВТ), которой накануне войны начали перевооружать стрелковые полки Красной Армии - это оружие обладало большей скорострельностью и обеспечивало существенное превосходство над противником в плотности огня.

В скобках отметим, что имевшиеся в СССР запасы основных типов стрелкового оружия позволяли укомплектовать не 198 наличных, а порядка 460-740 стрелковых дивизий, так что рассказы про "одну винтовку на двоих" являются или выдумками, или - что гораздо печальнее - отражением вопиющего развала армии, отсутствия минимального порядка и организованности.

Артиллерия советской стрелковой дивизии была явно сильнее: 60 орудий в составе двух полков против 48 орудий в составе одного артиллерийского полка в пехотной дивизии вермахта. Более того, орудие орудью рознь. В немецкой дивизии 12 гаубиц калибра 150-мм и 36 гаубиц калибра 105-мм; в советской стрелковой дивизии - 12 гаубиц калибра 152-мм и 32 гаубицы калибра 122-мм. Снаряд 122-мм гаубицы значительно тяжелее, чем 105-мм (22 кг против 15 кг), соответственно, по "весу суммарного залпа" (есть такая категория в военном деле) артиллерия советской стрелковой дивизии заметно превосходила своего противника.

Большим весом гаубичного залпа отнюдь не исчерпывались преимущества артиллерии советской стрелковой дивизии. В составе одного (из двух) артиллерийских полков дивизии Красной Армии было 16 длинноствольных 76,2-мм пушек - в немецкой пехотной дивизии подобные системы отсутствовали вовсе. Длинноствольные пушки с большой начальной скоростью снаряда можно было использовать как для прицельной стрельбы прямой наводкой по защищенным огневым точкам противника (на дистанции в 4 км снаряд 76-мм "дивизионки" пробивал полметра кирпичной кладки), так и по танкам противника (что в эпоху 2МВ было чрезвычайно важно).

Абсолютным было превосходство стрелковой дивизии Красной Армии в таком важнейшем компоненте, как средства ПВО. Пехотная дивизия вермахта зенитного вооружения не имела вовсе - ни пушек, ни даже зенитных пулеметов. Стрелковой дивизии Красной Армии по штату полагалось 4 зенитных орудия калибра 76,2-мм, 8 зенитных автоматических пушек калибра 37-мм, 9 крупнокалиберных и 24 т.н. "комплексных" (счетверенный "максим") зенитных пулеметов. Этими, относительно новыми вооружениями советские стрелковые дивизии не были обеспечены полностью, но в среднем по четыре 76-мм и 37-мм зенитки уже были в каждой дивизии западных округов. Кроме выполнения своей прямой задачи, 76-мм зенитки с огромной начальной скоростью снаряда могли бы быть использованы и для борьбы с тяжелыми танками (если бы в вермахте таковые были в наличии)

На вооружении разведывательного батальона стрелковой дивизии Красной Армии штатно числилось по 16 плавающих танкеток Т-37/Т-38, 10 легких пулеметных бронеавтомобилей БА-10 (на базе "эмки") и 3 пушечных бронеавтомобиля БА-10 (на базе трехосного грузовика повышенной проходимости, вооружен 45-мм танковой пушкой во вращающейся башне). Ничего подобного в пехотной дивизии вермахта не было вовсе. В стрелковых дивизиях западных округов накануне войны фактически числилось 998 плавающих танкеток Т-37/Т-38, т.е. в среднем по 11 на дивизию.

При всем при этом штатное количество личного состава пехотной дивизии вермахта было почти на две с половиной (16,8 против 14,5) тыс. человек больше, чем в стрелковой дивизии Красной Армии. Этот парадокс имеет очень простое объяснение. Во-первых, тыловые службы немецкой дивизии были значительно более многочисленными. Во-вторых, в составе пехотной дивизии вермахта был "полевой запасной батальон" (876 человек по штатному расписанию дивизий "первой волны"). В-третьих, артиллерийский полк немецкой пехотной дивизии передвигался огромным табуном лошадей, в то время как в стрелковой дивизии КА гаубичный полк был штатно переведен на механическую (тракторную) тягу. В результате два артиллерийских полка стрелковой дивизии КА имели меньше людей, чем один артполк в пехотной дивизии вермахта (2315 против 2696).

Способы, при помощи которых советские фальсификаторы превращали "муху в слона, а слона - в муху" (т.е. завышали численность вермахта и занижали численность и уровень технической оснащенности Красной Армии), заслуживают отдельного изучения. Эскизом такого исследования может служить книга М. Солонина "Мозгоимение". В самом сжатом, конспективном изложении можно отметить лишь наиболее распространенные шулерские приемы:

- численность войск противоборствующих сторон оценивалась не по числу основных тактических единиц (дивизий), как это принято во всей военно-исторической литературе, а по числу людей. Причем, на "советской стороне" считали лишь суммарную численность личного состава войск западных военных округов, а на "немецкой стороне" - общую численность военнослужащих Вооруженных Сил Германии. Таким образом, к реальной численности группировки вермахта и боевых частей СС на Восточном фронте добавлялась численность войск в Европе, в Северной Африке, огромная численность личного состава немецких ВМФ, частей ПВО, авиации (как минимум половина которой находилась вне Восточного фронта), а также тыловых, санитарных, транспортных, строительных, медицинских, учебных, испытательных и прочих вспомогательных служб (в Вооруженных Силах СССР эти "прочие" составляли 40-45% от общего числа военнослужащих)

- состав группировки Красной Армии оценивали по "мгновенной фотографии 22 июня", полностью игнорируя ввод в действие Второго Стратегического эшелона, дальнейшую передислокацию на Запад войск внутренних округов, формирование и отправку на фронт сотен новых соединений; на "немецкой стороне" считали все без исключения части и соединения, появившиеся на Восточном фронте до конца 1941 года, включая словацкие, итальянские, венгерские и румынские дивизии

- расчет соотношения сил на всем Восточном фронте (или, по меньшей мере, на одном из локальных ТВД) подменялся (в особо бесстыжих публикациях - молча и без пояснений) обсуждением соотношения сил "в полосе главного удара". Таким приемом можно получить любые желаемые цифры - комар "в полосе главного удара" (т.е. на острие комариного жала) развивает огромное давление. Сравнивая численность и огневую мощь немецкой танковой дивизии, движущейся в походной колонне, с численностью одного стрелкового взвода, который оказался на пути этой колонны, можно декларировать "подавляющее численное превосходство противника"

- все танки Красной Армии были разделены на "танки новых типов" (Т-34 и КВ) и "безнадёжно устаревшие" (в эту категорию вошли ВСЕ остальные, без малейшего исключения). Дальше работа фальсификаторов строилась в традиционные "два эшелона". На первом, в толстых солидных книгах, говорилось: "К началу войны на вооружении Красной Армии было 1,5 тыс. танков новых типов, а также значительное количество безнадёжно устаревших легких танков". На "втором эшелоне", на уровне лекций в "красном уголке" и газетных статей, уточнение о "значительном количестве безнадёжно устаревших" вовсе отбрасывалось за ненужностью, и в Красной Армии оставалось всего-то полторы тысячи танков

- не только в "красном уголке", но и в претендующих на научную фундаментальность изданиях распространялась заведомая ложь о том, что к началу войны *"три четверти танков старых типов нуждались в ремонте"*. Реальная картина была совершенно иной: по состоянию на июнь 41-го года лишь 9,3% танков Красной Армии требовали среднего ремонта, 9,9% - капитального (Доклад начальника Главного авто-бронетанкового управления РККА генерал-лейтенанта танковых войск Федоренко от 15 июня 1941 г.). Многолетний обман строился на следующем "изящном" трюке: к разряду исправных и боеготовых танков были отнесены лишь... "новые не бывшие в эксплуатации" (т.е. 1-я Категория по приказу НКО СССР №15 от 10 января 1940 г.); вся 2-я Категория (т.е. *"находящееся в эксплуатации, вполне исправное и годное к использованию по прямому назначению"*) из перечня боеготовых танков была жульнически вычеркнута. Это примерно то же самое. что объявить технически исправными только автомобили, находящиеся на подиуме в автосалонах.

22 июня 1941 г. у западных границ Советского Союза (включая Заполярье) была сосредоточена крупная группировка люфтваффе в составе 61 авиагруппы (авиаполка) по три эскадрильи в каждой. Всего, с учетом неполных авиагрупп - 187 эскадрилий боевых самолетов (истребителей, бомбардировщиков, штурмовиков). На вооружении этой группировки находилось 2253 боевых самолета (848 истребителей, 911 "горизонтальных" бомбардировщиков, 494 пикировщиков и штурмовиков). Так много самолетов и эскадрилий на Восточном фронте было только 22 июня, во все последующие дни 1941 года численность группировки люфтваффе была меньше, временами - значительно (вдвое) меньше.

22 июня 1941 г. группировка советской авиации на западном театре военных действий состояла из ВВС пяти западных военных округов, четырех корпусов дальней авиации, развернутых в полосе (с севера на юг) от Новгорода до Запорожья и ВВС двух (Балтийского и Черноморского) флотов. В ее составе было как минимум 134 авиаполка, 679 эскадрилий, на вооружении которых числилось 8.300 боевых самолетов (не считая устаревшие тяжелые четырехмоторные бомбардировщики ТБ-3 и используемые как легкие штурмовики устаревшие бипланы И-15бис). Оговорка "как минимум" связана с тем, что в число 134 не включено несколько десятков недоукомплектованных авиаполков, находившихся в стадии формирования. За спиной этой группировки, в составе ВВС внутренних военных округов, в Закавказье и на Дальнем Востоке находилось примерно равное по численности количество авиачастей и боевых самолетов.

Одним из самых абсурдных - и одновременно самых укорененных - мифов о начале войны является утверждение о том, что "на рассвете 22 июня советская авиация была уничтожена внезапным ударом по всем аэродромам". В этом утверждении не соответствует действительности ни одно слово.

Даже общепринятое в советской историографии количество самолетов, якобы уничтоженных на земле 22 июня (за весь день, а вовсе не за несколько часов!), равно 800, что - как не трудно убедиться - меньше одной десятой от общей численности группировки советской авиации на ТВД. Немецкая авиация атаковала (опять же, за весь день, а вовсе не в одном утреннем налете!) 66 советских аэродромов, что также составляет лишь одну десятую от их общего количества (614 в пяти западных военных округах). Фактически же, потери советской авиации первого дня войны (на земле и в воздухе) составили не более 200-300 самолетов (подробнее этот вопрос рассмотрен в книгах М.Солонина "Разгром 1941. На мирно спящих аэродромах» и «Новая хронология катастрофы»).

Разумеется, такие потери не могли привести к "полному господству в воздухе" немецкой авиации; более того, потери первого дня были в течение недели восполнены поставками новых самолетов и передислокацией авиачастей из внутренних округов. Всего же за три первые месяца войны советская авиация выполнила 250.000 боевых вылетов. 80 тыс. вылетов в месяц - это не много, а очень много; это тот уровень, который немцы на Восточном фронте превзошли лишь в одном месяце (июнь 1942 г.) за всю войну. Если немецкая авиация и зенитные средства ПВО не смогли воспрепятствовать такой активности ВВС противника, то про их "господстве в воздухе" говорить не приходится.

В целом же, в эпоху 2МВ главным огневым средством, подлинным "богом войны" оставалась традиционная ствольная артиллерия. Авиация лишь дополняла (далеко не всегда удачно и эффективно) огонь пушек, гаубиц и минометов. Этот вывод тем более верен, когда мы говорим о фронте советско-германской войны в 1941-1942 г.г.

По предвоенным представлениям советского командования в полосе наступления общевойсковой армии должна была быть создана плотность в 15-20 самолетов на км фронта. Немцы начали вторжение, имея порядка 3 самолетов на км; в дальнейшем, по мере сокращения численности группировки люфтваффе и огромного увеличения ширины фронта боевых действий авиационные плотности упали до отметки "полсамолета на километр" и ниже. Эти цифры однозначно свидетельствуют о том, что немецкая авиация не имела достаточных сил для того, чтобы оказать существенное влияние на ход боевых действий наземных сил - ни на оперативном, ни, тем более, на стратегическом уровне. Для сравнения отметим, что в первый день высадки в Нормандии авиация союзников произвела 14 тыс. вылетов; каждую дивизию союзников в среднем поддерживали 260 боевых самолетов - это **в 12 раз больше**, чем приходилось на одну дивизию вермахта 22 июня 1941 г.

Реальная эффективность авиационных вооружений той эпохи также не позволяла достигнуть тех результатов, которые закреплены в мифологических представлениях. Все было гораздо более скромно. Так, установленные в 1942 г. Главным штабом ВВС КА "нормы боевых возможностей" штурмовика Ил-2 (а это был один из лучших штурмовиков 2МВ) предполагали, что для поражения одного легкого танка необходимо 4-5 вылетов Ил-2, а для поражения одного среднего немецкого танка потребуется 12-15 самолетовылетов.

Самым новейшим "воздушным истребителем танков", которым располагало люфтваффе в 1941 г., был двухмоторный бронированный штурмовик "Хеншель" Hs-129. В сентябре 1941 г. шесть первых, "предсерийных" образцов прибыли для проведения войсковых испытаний на Восточный фронт. В ходе испытаний было установлено, что пушечное вооружение этого "вундерваффе" не обеспечивает пробитие брони даже легких советских танков при атаках с любого направления и под любым углом пикирования. Не многим лучшими оказались и результаты боевого применения в 1942 - 1943 г.г. модернизированных "Хеншелей", вооруженных 30-мм авиапушкой МК-101. Вероятность поражения среднего советского танка типа Т-34 оказалась порядка 1-2 %, т.е. для гарантированного выведения из строя одного Т-34 необходимо было выделять не менее четырех-пяти десятков (!) бронированных штурмовиков.

Не приходится удивляться тому, что в целом за всю войну потери советских средних танков распределились следующим образом: от огня артиллерии (включая танковые пушки) - 88 %, от мин - 8% , и **от авиации - только 4%.**

Те части и соединения, которые командование вермахта сосредоточило 22 июня 1941 г. у западных границ СССР, представляли собой максимум возможного, который смогла достичь Германия через два года после начала всеобщей мобилизации. Добавить к этому удалось лишь немного. До конца 1941 г. на Восточный фронт прибыло 2 танковые и 25 пехотных дивизий. Всего (т.е. с учетом маршевого пополнения, поступившего для восполнения потерь Действующей армии) группировка вермахта на Восточном фронте получила порядка 800-900 тыс. человек.

С другой стороны, те силы, которые Красная Армия развернула в западных округах к 22 июня 1941 г., представляли собой минимум, который 200-миллионный Советский Союз смог сформировать в условиях скрытой, тайной мобилизации и перебросить на Запад в рамках незавершенной (!) стратегической передислокации войск. 23 июня 1941 г. была начата открытая мобилизация, и уже к 1 июля в ряды Вооруженных Сил было призвано 5,3 млн. человек (что означало увеличение общей численности военнослужащих Красной Армии в два раза по сравнению с состоянием на 22 июня). 1 июля мобилизация, разумеется, не закончилась. Она еще только начиналась. Всего до начала августа было мобилизовано 10 млн. человек. Затем, в соответствии с Постановлением ГКО № 459 от 11 августа в Вооруженные Силы призвали еще 4 млн. человек. И еще порядка 2 млн. человек (по крайней мере, именно такую цифру всегда называла советская пропаганда) призвали в так называемые "дивизии народного ополчения". Еще одним, огромным резервом служили войска внутренних военных округов.

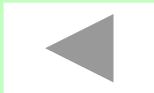

В середине июля 41-го, несмотря на огромные потери первых недель войны, в составе Действующей армии было уже порядка 235 дивизий - в полтора раза больше, чем в начале боевых действий! В общей сложности, до 1 декабря 1941 г. на западное стратегическое направление Ставка направила 150 дивизий и 44 стрелковые бригады, на ленинградское и киевское направления - еще 140 дивизий и 50 стрелковых бригад (правда, надо учесть, что стрелковые дивизии военного формирования были в 1,5-2 раза слабее - по огневой мощи и численности - предвоенных дивизий Красной Армии)

Аналогичная ситуация сложилась и с пополнением танковых войск. На Восточный фронт в течение второй половины 1941 г. поступило всего 316 танков (в том числе - 91 легкий чешский танк Pz-38(t)), а также две свежие танковые дивизии (2-я и 5-я), на вооружении которых числилось 380 танков (в том числе - 118 легких танков Pz-II с противопульным бронированием и 20-мм "пушкой"). Итого - 696 танков, в том числе 487 средних. Красная Армия за тот же период получила 5.600 танков, в том числе 2.200 средних Т-34 и 1.000 тяжелых КВ. И это - не считая танки, которые поступили в состав Действующей армии в составе танковых дивизий войск внутренних и дальневосточных военных округов.

1.5. Советская военная техника не уступала по своим ТТХ лучшим мировым образцам

Несомненно и многократно превосходя противника в количестве боевой техники, Красная Армия не уступала вермахту и с точки зрения "качества", понимая под этим словом тактико-технических характеристики вооружения. По качеству своих танков и средств противотанковой обороны, по качеству и уровню механизации артиллерии, по оснащённости войск средствами радиосвязи средствами радиосвязи Красная Армия могла считаться одной из лучших армией своего времени.

По состоянию на июнь 1941 г. на вооружении танковых частей вермахта находилось пять существенно различных типов танков, в танковых частях Красной Армии - четыре типа (не считая малочисленные и/или устаревшие и выводимые из боевых частей типы, не считая легкие танкетки с пулеметным вооружением). Это обстоятельство существенно усложняет корректное сравнение ТТХ танков противоборствующих сторон. Для простоты изложения воспользуемся традиционным для советской историографии делением на "танки новых типов" и "все остальные".

Советские танки "новых типов" (Т-34 и КВ, всего 1.558 единиц в танковых дивизиях, принявших участие в боевых действиях первых 10-15 дней войны) безоговорочно превосходили лучшие на тот момент танки вермахта (т.н. "тяжелый" Pz-IV серий E и F, средние танки Pz-III последних модификаций - с 50-мм пушкой и усиленной лобовой броней; всего порядка 1.146 единиц на Восточном фронте в июне-июле 1941 г.).

	КВ	Т-34	PZ-IV F	PZ-III J
Вес, тонн	48	28.5	22.3	21.6
Калибр пушки, мм	76.2	76.2	75	50
Броня, лоб/борт, мм	75 - 75	45 - 40	50 - 30	50 - 30
Мощность, л.с.	600	500	300	300
Скорость, км/час	35 / 16	50 / 25	42 / 20	40 / 20
Запас хода, шоссе, км	250	300	200	145

В предельно сжатом изложении превосходство новых советских танков над лучшими немецкими сводилось к следующему:

- -длинноствольная 76-мм пушка KV и Т-34 могла пробить лобовую (тем более - бортовую) броню корпуса и башни любых немецких танков на дистанции в 500-800 м
- танковые пушки любых немецких танков не могли пробить броню танка KV; поразить же Т-34 лучшая немецкая танковая 50-мм пушка KwK-38 могла лишь при стрельбе в борт на малых (200-300 метров) дистанциях
- самая массовая в вермахте 37-мм противотанковая пушка могла пробить лишь броню борта корпуса Т-34 на дистанции менее 200-100 метров (да и для этого надо было попасть в просвет между гусеничными катками; наклонный бортовой лист и литая башня не пробивались); броня KV не пробивалась 37-мм пушкой на любой дистанции
- самая массовая в Красной Армии 45-мм пушка пробивала бортовую броню башни и корпуса лучших немецких танков на дальности 600-800 метров
- благодаря широким гусеницам и уникальному по мощности и экономичности дизельному двигателю Т-34 превосходил любой немецкий танк по запасу хода, проходимости и скорости движения по бездорожью.
- благодаря использованию двигателя, работающего на дизельном топливе, Т-34 и KV превосходили по пожаро-взрывобезопасности любой немецкий танк, т.к. все без исключения немецкие танки работали на легковоспламеняемом бензине .
- только танк Pz-IV (всего 439 единиц, включая ранние серии с противоположным бронированием) обладал равноценным с новыми советскими танками вооружением для борьбы против пехоты противника (пушка калибра 75-мм), а даже лучшие модификации танка Pz-III были вооружены 50-мм пушкой, вес осколочного снаряда которой был в три раза меньше, чем вес снаряда 76-мм пушек советских танков (1,96 кг против 6,3 кг)

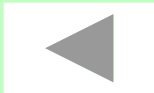

Превосходство в трех ключевых параметрах - огневой мощи, защищенности, подвижности - позволяет со всей определенностью говорить о том, что Т-34 и КВ были танками совершенно другого качественного уровня, нежели лучшие по состоянию на лето 1941 г. танки вермахта.

Все остальные типы танков (БТ и Т-26 в Красной Армии, Pz-II, Pz-III ранних серий, чешский Pz-38(t) в вермахте) представляли собой типичные легкие танки конца 30-х годов: противопульное бронирование, узкие гусеницы, малокалиберные пушки.

	Pz-III E	Pz-38(t) B	Pz-II C	БТ-7	Т-26
Вес, тонн	19.5	9.4	9.5	13.8	97.5
Калибр пушки, мм	37	37	20	45	45
Броня, лоб/борт, мм	30 - 30	25 - 15	30 - 20	22 - 13	15 - 15
Мощность, л.с.	300	125	140	450	90
Скорость, км/час	40 / 20	42 / 15	45 / 25	52 / 35	30 / 15
Запас хода, шоссе, км	165	250	190	230	180

Легкие советские танки превосходили легкие немецкие по калибру пушки (45-мм против 37-мм) и весу осколочного снаряда (2,14 кг против 0,7 кг), т.е. в способности уничтожать укрытия пехоты и огневые средства противника (20-мм "пушка" немецкого Pz-II для решения таких задач была практически бесполезна). Колесно-гусеничный БТ даже на гусеницах превосходил в скорости любой танк вермахта, на колесах и на шоссе этот танк обгонял грузовой автомобиль (еще лучшими показателями подвижности и запасом хода до 600 км обладал БТ-7М с дизельным двигателем; выпущено 787 единиц)

Лишь на первый взгляд легкие танки вермахта обладают преимуществом в бронезащите (толщина лобовой брони 30 мм против 15 мм у советского Т-26). Но степень бронезащиты определяется не миллиметрами, как таковыми, а соотношением защиты и поражающей способности огневых средств противника. Противопульное бронирование советских танков Т-26 и БТ было рациональным, соответствующим критерию "разумной достаточности". Для защиты от огня стрелкового оружия (винтовки, пулеметы) брони в 15-13 мм более чем достаточно. Немецкие же танки были бесцельно перегружены 30-мм броней (в результате вес Рз-III в полтора раза превысил вес БТ-7), которая для защиты от огня стрелкового оружия была избыточна, но при этом пробивалась снарядом 45-мм советских противотанковых и танковых пушек на дистанции до 800 метров.

Теперь от ТТХ танков перейдем к обзору средств противотанковой обороны стрелковых (пехотных) дивизий противоборствующих сторон.

Самые массовые (37-мм в вермахте и 45-мм в Красной Армии) противотанковые пушки уверенно пробивали броню легких танков противника. Серьезную проблему для ПТО пехоты создало появление "танков новых типов", имевших противоснарядное бронирование лба корпуса и башни (модифицированные Рз-III и Рз-IV) или даже полное круговое противоснарядное бронирование (Т-34 и КВ).

В начале 1941 г. на вооружение пехотных дивизий вермахта стала поступать новая 50-мм противотанковая пушка Pak-38. Это орудие с малых дистанций (100-200 метров) могло пробить лобовую броню и броню башни Т-34 и даже бортовую броню КВ. Правда, поступали эти орудия в количестве 6 штук на дивизию, причем к 22 июня далеко не все пехотные дивизии вермахта на Восточном фронте успели получить хотя бы одну Pak-38.

С другой стороны, стрелковые дивизии Красной Армии и по штатному расписанию, и в реальности имели (в составе артиллерийского полка дивизии) по 16 длинноствольных 76,2-мм орудий. Новейшие (разработки 36-39 г.г.) дивизионные 76,2-мм пушки Ф-22 и УСВ при приемлемом для орудия ПТО весе (1620 -1480 кг) пробивали лобовую броню любого немецкого танка на дистанции до 1 км. К началу войны Красная Армия получила 4038 Ф-22 и УСВ, что почти в четыре раза превосходило количество тех немецких танков (Pz-IV и Pz-III новых серий), на которые стоило тратить 76-мм снаряд.

Мощная противотанковая пушка является важным, знаковым, но отнюдь не единственным компонентом системы противотанковой обороны. Ничуть не менее важным является быстроходное и вездеходное "средство доставки" орудия на огневую позицию. В противотанковом дивизионе стрелковых и моторизованных дивизий Красной Армии для этих целей использовался бронированный гусеничный тягач "Комсомолец", созданный на базе узлов и агрегатов легкого плавающего танка Т-37. Бронирование тягача защищало водителя от пуль винтовочного калибра и осколков снарядов. Машина могла буксировать орудия весом до 2 тонн (т.е. все имеющиеся и перспективные противотанковые и дивизионные пушки), преодолевать ров шириной 1,4 м, брод 0,6 м, стенку высотой 47 см и разворачивалась на площадке диаметром в 5 метров. К началу войны в Красной Армии числилось 6700 тягачей этого типа (вдвое больше, чем танков вермахта на Восточном фронте).

Иллюстрации:

[- Танк KV](#)

[- Танк Т-34](#)

[- Танк Pz-IV](#)

[- Танк Pz-III](#)

[- Танк Т-26](#)

[- Тягач "Комсомолец"](#)

Физика процесса взаимодействия снаряда и брони - равно, как и тактика применения средств ПТО - очень сложны. Прежде всего, следует отметить, что результат процесса случаен, и все "табличные данные" представляют собой лишь статистически-усредненные данные. Снаряды, взятые из одной заводской партии и отстрелянные из одного и того же орудия могли пробить мишень, а могли и не пробить. Еще более неопределенной является ситуацию со стрельбой по реальному танку (а не по полигонной мишени), т.к. броня танка могла быть ослаблена предыдущим попаданием другого снаряда, термическим отпуском, неизбежно возникающим в зоне сварных швов, ослаблением конструкции в районе люков.

Не столь однозначно, как кажется на первый взгляд, и само понятие "пробитие брони". Что считать пробитием? Крохотное сквозное отверстие на тыльной стороне бронелиста? Или пробойну, через которую целиком прошла бронебойная "болванка"? Или пролом в броне размером с футбольный мяч? По принятым в Германии стандартам пробитием брони считалась способность орудия в 50% случаев попадания "перенести" через броню 70% массы бронебойного снаряда. Советские стандарты были жестче - перенос через преграду более 90% массы снаряда в 70% попаданий. Уже одни эти различия в способах оценки приводят к тому, что показатели бронепробиваемости противотанковых пушек, приведенные в разных справочниках, отличаются на 15-20 и более процентов.

Снаряды бывают разными по конструкции (бронебойная "болванка" не так проста, как можно подумать). Одни типы снарядов лучше "работают" по наклонной броне, другие - по прямой, и.т.д. Значительно повысили возможности противотанковой пушки так называемые "подкалиберные" снаряды. Этот тип снаряда имел достаточно сложную конструкцию, состоявшую из очень прочного бронебойного сердечника и оболочки (так называемого "поддона"). При попадании снаряда в цель поддон сминался (в наиболее совершенных конструкциях поддон сбрасывался еще в полете, до встречи с броней), и твердый остроголовый сердечник, изготовленный из карбида вольфрама, пробивал броню. Такая конструкция обеспечивала существенно большую бронепробиваемость. Так, немецкая 50-мм противотанковая пушка Pak-38 пробивала подкалиберным снарядом PzGr-40 броню в 130 мм на 100-метровой дистанции. Этого, безусловно, было достаточно для поражения любого танка, включая тяжелый KV.

Значит ли это, что появление подкалиберных снарядов "обнулило" все преимущества тяжелых танков с мощным бронированием? Разумеется, нет. Как танк KV не был "абсолютным оружием", так и "вольфрамовый" снаряд не решал всех проблем ПТО, и отнюдь не случайно в 43-44 г.г. производство подкалиберных снарядов было свернуто.

Танк - это не воздушный шарик, который достаточно проткнуть иголкой. Сам по себе факт появления сквозного отверстия в броне еще не гарантирует выведение из строя танка и экипажа. Приведем один характерный пример. Полигонный обстрел легкого советского танка Т-26 из противотанкового ружья показал, что из 39 пуль, пробивших (!) броню танка, только одна повредила "ногу" одного из трех манекенов, изображавших экипаж. Серьезные повреждения конструкции причинили лишь два попадания в бензобак. Опыт войны показал, что "заброневое воздействие" 37-мм или 50-мм подкалиберных снарядов весьма низкое, в частности они никогда не приводили к возгоранию или взрыву дизтоплива – даже при прямом попадании в топливный бак. Крайне редкими были и случаи взрыва боекомплекта танка под воздействием попадания подкалиберного "гвоздя", который по определению не мог нести заряд ВВ

Бесспорным недостатком подкалиберных снарядов была их дороговизна. Карбид вольфрама - это дорогостоящая экзотика, и разбрасываться (в самом прямом смысле этого слова) дефицитным легирующим элементом, необходимым для производства специальных сталей, Германия во время затяжной войны не могла.

В силу действия физического закона (в аэродинамике он называется "закон куба-квадрата" - аэродинамическое сопротивление зависит от квадрата линейных размеров, а сила инерции - от куба) легкий снаряд малого калибра быстрее теряет свою первоначальную скорость, нежели тяжелый снаряд большего калибра. Применительно к подкалиберному снаряду действие этого закона усугублялось большим сопротивлением "поддона". В результате уже на дистанции в 400-600 м бронепробиваемость "вольфрамового" снаряда снижалась до уровня обычной "болванки", а на дальности в 1 км и вовсе падала до нуля.

К этим общим недостаткам (можно назвать их словом "особенности") подкалиберных снарядов в случае стрельбы по советскому танку Т-34 добавлялся еще один - характерная для всех остроконечных снарядов малого диаметра и большого удлинения склонность к рикошету (или "опрокидыванию" с последующим разрушением снаряда) при встрече с наклонной броней. Лобовой лист "тридцатьчетверки" был установлен под углом 60 градусов к горизонтали, что делало ее самой "неудобной" мишенью для подкалиберных снарядов.

С другой стороны, вывести из строя танк и экипаж мог и снаряд, не пробивший броню. Главным образом этот вывод применим к случаю "встречи" снаряда с прочной броней тяжелого танка. Известно, что немецкая 150-мм гаубица (т.е. орудие, имеющее относительно низкую начальную скорость снаряда и предназначенное для стрельбы навесным огнем с закрытых позиций) не пробивала броню танка КВ даже при стрельбе в упор. Однако же, это обстоятельство не отменяет закон сохранения энергии, и 5,82 МДж энергии снаряда в любом случае передавалось танку (для сравнения - энергетически это эквивалентно удару 20-тонной "гири", упавшей с высоты 9-этажного дома). Удар такой силы мог привести к контузии экипажа, разрушению механизмов двигателя и трансмиссии. Особенно уязвимы в этом отношении были немецкие танки, у которых за лобовым листом корпуса располагался редуктор коробки перемены передач - смещение осей редуктора на несколько миллиметров неизбежно приведет к заклиниванию.

Рис. 1. Танк КВ

Рис. 2. Танк Т-34

Рис. 3. Танк Pz-IV

Рис. 4. Танк Pz-III

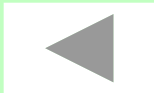

Рис. 5. Танк Т-26

Рис. 6. Тягач “Комсомолец”

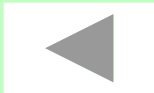

Традиционно высоким был качественный уровень советской артиллерии. Такие артсистемы, как 122-мм гаубица М-30 (обр. 1938 г.) и 152-мм пушка-гаубица МЛ-20 (обр. 1937 г.) простояли на вооружении армий многих стран мира вплоть до конца 20-го века и считаются одними из лучших образцов ствольной артиллерии всех времен. Исключительно удачным (по сочетанию веса, надежности и боевых возможностей) орудием была советская 76-мм дивизионная пушка.

Выдающимся (для начала 40-х годов) был уровень механизации советской артиллерии. Для буксировки дивизионных гаубиц предназначались трактора производства Сталинградского и Челябинского заводов (СТЗ-3, С-60, С-65). Это транспортное средство в любой дождь и снег могло передвигаться по российским грунтовым "дорогам" со скоростью, вполне достаточной для движения в маршевой колонне пехотной (т.е. идущей пешком) дивизии. В то же время, в пехотной дивизии вермахта все артсистемы (включая 150-мм гаубицы весом в 5,5 тонн) таскали шестеркой лошадей.

Грузовых автомобилей в артиллерийском полку немецкой пехотной дивизии по штатному расписанию было даже меньше, чем в гаубичном полку советской стрелковой дивизии (80 против 90). В целом, на всю пехотную дивизию вермахта полагалось 615 грузовиков, что было немногим больше, чем стрелковой дивизии Красной Армии (529 грузовых и специальных). Единственное, в чем немецкая дивизия решительно превосходила стрелковую дивизию Красной Армии, так это в количестве легковых автомобилей (394 против 19). Советский лейтенант перемещался верхом на коне, немецкий – в легковом автомобиле. Что лучше (надежнее) в условиях российского бездорожья – вопрос спорный...

Для буксировки тяжелой артиллерии корпусных полков и артполков РГК в конце 30-х годов было разработано четыре типа специализированных гусеничных тягачей (три из четырех были оснащены дизельными моторами). О надежности и долговечности этих машин можно судить по тому, что тягачи С-2, выпуск которых был прекращен в 1942 году (производственные мощности Челябинского тракторного завода были загружены массовым выпуском танков), исправно проработали в советской артиллерии вплоть до начала 50-х годов.

В 1940 г. на Харьковском "паровозостроительном" (танковом) заводе № 183 было начато серийное производства "Ворошиловца" - гусеничного тягача с совершенно феноменальными ТТХ. Основой конструкции стал 400-сильный танковый дизельный двигатель В-2 (ни один немецкий тягач или танк того времени не имел двигатель такой мощности). Максимальное тяговое усилие в 17 т (зимой из-за пробуксовки гусениц оно снижалось до 13 т) позволяло буксировать самые тяжелые артсистемы или неисправные тяжелые танки. С полной нагрузкой тягач развивал скорость 20 км/час и имел запас хода в 240 км. Другими словами, "Ворошиловец" способен был в течение светового дня и на одной заправке топлива переместить тяжелую гаубицу с одного фланга полосы обороны армии на другой.

К началу июня 1941 года в войсках было порядка 9,2 тыс. специализированных артиллерийских тягачей (в том числе более 600 "Ворошиловцев"). Это количество превышало общую численность (8,7 тыс.) тяжелых артсистем, состоявших на вооружении Красной Армии (3817 гаубиц 152-мм, 2603 гаубицы-пушки 152-мм, 1255 пушек 122-мм, 871 гаубица 203-мм, 147 орудий большой и особой мощности). Кроме того, в войсках еще до начала открытой мобилизации (!) числилось более 28 тыс. тракторов, что более чем в два раза превосходило суммарное число "объектов для буксировки", т.е. дивизионных гаубиц калибра 122-мм и тяжелых зенитных орудий калибра 76-мм и 85-мм (при этом надо иметь в виду, что большая часть зениток находилась в системе ПВО стационарных объектов и в постоянной буксировке не нуждалась).

В вермахте для транспортировки тяжелых артиллерийских орудий корпусной и армейской артиллерии была разработана целая "линейка" полугусеничных тягачей с карбюраторными моторами мощностью от 100 до 185 л.с. и максимальным весом буксируемого объекта от 3 до 18 тонн. По скорости буксировки немецкие полугусеничные тягачи значительно превосходили любые советские, столь же безоговорочно уступая им в проходимости. На грунтовой дороге немецкий полугусеничник двигался вполне уверенно, в настоящую же российскую распутицу два передних (к тому же пассивных) колеса уходили по ступицу в грязь и как плуг "пахали" грунт. В известном смысле немецкие полугусеничные тягачи чем-то предвосхищали современные "паркетные джипы": красивые, комфортабельные, но при этом явно уступающие "УАЗику" в проходимости по российскому бездорожью.

Иллюстрации :

[- 203-мм гаубица Б-4](#)

[- Тягач "Ворошиловец"](#)

[- Тягач С-2](#)

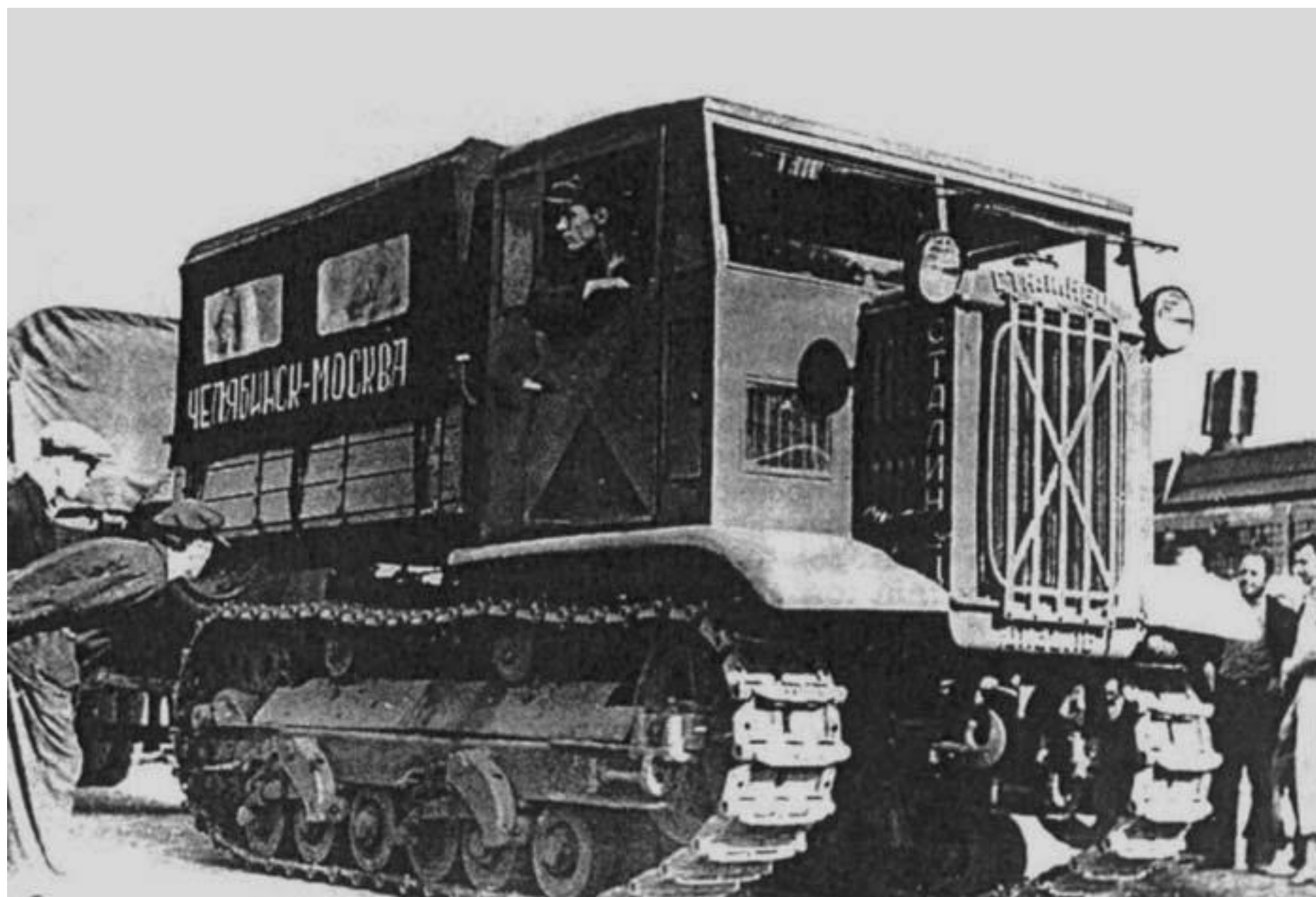
Рис. 7. 203-мм гаубица Б-4.

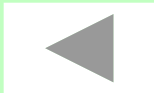

Рис. 8. Тягач "Ворошиловец" буксирует тяжелый
3-башенный танк Т-28

Рис. 9. Тягач С-2.

По состоянию на 1 января 1941 г. в Красной Армии числилось 252.376 телефонных аппаратов всех типов (т.е. в среднем порядка 800 аппаратов на одну дивизию). Для прокладки линий связи было произведено и передано в войска 343.241 км телефонного и 28.147 км телеграфного кабеля (этим количеством можно было обмотать Землю по экватору 9 раз).

Что касается средств радиосвязи, то на 1 января 1941 г. в Вооруженных Силах СССР числилось:

- 40 фронтовых радиостанций (РАТ), т.е. в среднем по 8 на каждый из пяти будущих фронтов
- 1613 армейских и корпусных (РАФ, РСБ), т.е. в среднем по 18 на каждый стрелковый или механизированный корпус.
- 5909 полковых (5АК), т.е. в среднем по 4 на каждый полк

Итого - 7.566 радиостанций, не считая большое число снятых с производства предшественников РАФа - мощной (500 Вт) радиостанции 11-АК.

Самая маломощная из упомянутых радиостанций (5АК) имела радиус действия 25 км при телефонной связи и 50 км – при телеграфной связи. Другими словами, хотя она и считалась в Красной Армии "полковой радиостанцией", ее реальный радиус действия в несколько раз превышал уставную ширину фронта обороны дивизии! Подлинным чудом техники 40-х годов мог считаться комплекс РАТ. Огромная мощность (1,2 кВт) позволяла обеспечить связь телефоном на расстоянии в 600 км, а телеграфом - до 2000 км. Схема передатчика предоставляла возможность работы на 381 фиксированном канале связи с автоподстройкой частоты.

Кроме вышеперечисленных мощных радиостанций на вооружении Красной Армии были десятки тысяч переносных радиостанций батальонного и ротного звена (РБ, РБК, РБС, РБМ), мощностью в 1-3 Вт и радиусом действия в 10-15 км. Таких радиостанций по состоянию на 1 января 1941 г. числилось 35.617 единиц, т.е. в среднем 100 переносных радиостанций на одну дивизию.

Уже в 1933 году была запущена в серийное производство специальная танковая радиостанция 71-ТК-1 (дальность связи: телефоном на ходу - до 15 км, телефоном на стоянках - до 30 км, в телеграфном режиме - до 50 км). Этими же радиостанциями оснащались и бронемашины БА-10/20. Фактически, к началу войны 35-40% танков были оборудованы приемо-передающими радиостанциями.

1.6. Внезапное нападение - миф или реальность?

Еще одной причиной поражения советские историки называли "внезапное нападение Германии". Сразу же отметим, что предельно милитаризированный Советский Союз оказался единственным (не считая, правда, Люксембург и Албанию) из европейских участников Второй Мировой войны, поражение которого принято объяснять "внезапным нападением". Для всех остальных сосредоточение войск противника у границы и последующее вторжение "неожиданностью" не стало.

Разумеется, о **стратегической внезапности** не может быть и речи - Советский Союз давно и настойчиво готовился к войне. Приведенные выше цифры численности Красной Армии и уровень ее технического оснащения являются самым убедительным подтверждением этому. Советский Союз, Красная Армия готовились не просто к войне, а именно и конкретно к войне против Германии, причем разработанные [оперативные планы войны](#) предусматривали нанесение сокрушительного удара по вермахту и наступление до Берлина, Праги и Вены.

[Скрытая мобилизация и стратегическое развертывание](#) Вооруженных Сил СССР началось не после, а ДО немецкого вторжения; насколько можно судить по немногим рассекреченным документам - в мае 1941 г.

Далеко не бесспорен и тезис о том, что противник смог добиться эффекта **тактической внезапности**. Советская разведка непрерывно отслеживала сосредоточение немецких войск у западных границ СССР, а военное командование (как в Москве, так и в приграничных военных округах) за несколько дней до фактического начала боевых действий отдало целый ряд [приказов о повышении боеготовности войск](#). В любом случае, эффект внезапности, доставшееся противнику "преимущество первого удара" можно признать причиной разгрома и гибели пограничных застав и некоторых частей первого эшелона войск западных округов, но никак не всей длинной череды поражений Красной Армии в 1941-1942 годах.

Необходимо вспомнить о том, что [самые тяжелые поражения](#) Красная Армия понесла отнюдь не в первые дни и недели войны, а в сентябре-октябре 41-го, когда в Киевском и Вяземском "котлах" было разгромлено более сотни дивизий. Не менее сокрушительными были и поражения весны 1942 года под Керчью и Харьковом. Понятно, что ни о какой "внезапности" к тому времени уже не могло быть и речи.

В начале 90-х годов были рассекречены некоторые документы Оперативного управления Генштаба Красной Армии 1940-1941 г.г. В результате историкам стали доступны для изучения пять вариантов общего плана стратегического развертывания Красной Армии (от августа, сентября, октября 1940 г., марта и мая 1941 г.) и материалы по оперативным планам двух важнейших фронтов ("Докладная записка по решению Военного Совета Юго-Западного фронта по плану развертывания", декабрь 1940 г. и "Директива наркома обороны СССР и начальника Генштаба Красной Армии командующему войсками Западного ОВО на разработку плана оперативного развертывания войск округа", апрель 1941 г.). К документам, раскрывающим стратегические планы советского командования, следует отнести и материалы январских (1941 г.) оперативно-стратегических игр, проведенных с высшим командным составом РККА.

Все известные ныне оперативные планы представляют собой фактически один и тот же документ, лишь незначительно меняющийся от одного варианта к другому. Имеет место не только смысловое, но и явное текстуальное совпадение всех вариантов оперативного плана. Все известные документы представляют собой план проведения крупномасштабной наступательной операции, проводимой за пределами государственных границ СССР. Вся топонимика театра предполагаемых военных действий представляет собой наименования польских, словацких, румынских и восточно-пруссских городов и рек. Мартовский (1940 г.) вариант плана содержал указание о том, что после решения "первой стратегической задачи" (т.е. наступления на глубину в 250-300 км до рубежа Лодзь, Катовице, Острава) следовало развивать наступление на Берлин или Прагу и Вену.

Майские (1941 г.) "Соображения по плану стратегического развертывания" содержат, в частности, такие предложения: *"...Считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий Германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск..."*

Наступательный характер планируемых стратегических действий отчетливо проявляется и в географии [фактической дислокации войск](#) западных военных округов.

[Карта 4. Командно-штабная игра января 1941 г., "южный вариант".](#)

[-Карта 5. Мартовский \(1941г.\) план вторжения в Европу](#)

Наступательный характер планируемых стратегических действий отчетливо проявляется в характере предвоенной дислокации войск. Благодаря предусмотрительно вырисованной в сентябре 1939 г. "линии разграничения государственных интересов СССР и Германии на территории бывшего Польского государства" новая граница имела два глубоких (на 150-170 км) выступа, обращенных "острием" на Запад. Белостокский выступ в западной Белоруссии и Львовский выступ в западной Украине. Двум выступам неизбежно сопутствуют четыре "впадины". С севера на юг эти "впадины" у оснований выступов находились в районах городов Гродно, Брест, Владимир-Волынский, Черновцы.

Если бы Красная Армия собиралась встать в оборону, то на "остриях выступов" должны были остаться самые минимальные силы прикрытия, а основные оборонительные группировки были бы выстроены у оснований, во "впадинах". Такое построение позволяет гарантировано избежать окружения главной группировки войск на территории выступов, сокращает общую протяженность фронта обороны (длина основания треугольника всегда короче суммы двух других сторон) и создает наибольшую оперативную плотность на наиболее вероятных направлениях наступления противника, т.е. у "впадин".

Однако в июне 1941 г. все было сделано точно наоборот - самые мощные (6-й, 4-й, 8-й, 15-й) мехкорпуса Красной Армии "сгрудились" у острия "выступов". Аналогичным образом (главные силы - на обращенном к противнику "острие выступа", значительно более слабые - у оснований) были распределены и отдельные полки тяжелой артиллерии РГК. Аналогичным образом - авиация (самая крупная, получившая самое большее число новейших истребителей, 9-я авиадивизия ВВС Западного ОВО - в районе западнее Белостока; две самые крупные, получившие самое большее число новейших истребителей 15-я и 63-я авиадивизии ВВС Киевского ОВО - в районе Львов-Самбор).

Иллюстрации:

- [Дислокация мехкорпусов западных военных округов](#)
- [Дислокация мехкорпусов, получивших "танки новых типов" \(Т-34 и КВ\)?](#)
- [Дислокация дивизий фронтовой авиации \(без учета ДБА и ВВС флотов\)](#)
- [Дислокация авиадивизий, получивших самолеты МиГ-3, Як-1, Пе-2](#)

План прикрытия от мобилизации, сосредоточения и развертывания войск - это план краткосрочной оборонительной операции. Объектом прикрытия является не линия границы (к сожалению, некорректный термин "прикрытие границы" все еще встречается во многих текстах), а ПРОЦЕСС (весьма непродолжительный - от нескольких дней до двух-трех недель) мобилизации, сосредоточения и развертывания Вооруженных сил. В это время необходимо активными действиями предотвратить любые попытки противника нарушить (ударами с воздуха или вторжения наземных сил) планомерное сосредоточение и развертывание войск. Стоит отметить, что задача на прикрытии развертывания войск ставилась всегда, даже в тех случаях, когда противник был заведомо слаб, и его активные упреждающие действия были крайне мало вероятны (например, накануне 1-й советско-финской войны или перед вводом советских войск в Иран в августе 1941 г.).

Важно отметить, что намерение опередить противника и нанести неожиданный первый удар отчетливо прослеживается даже в предвоенных планах прикрытия. Так, в разработанных накануне (в мае-июне 1941 г.) советско-германской войны Планах прикрытия западных военных округов наряду со стандартной фразой "*упорной обороной укреплений по линии госграницы прочно прикрыть от мобилизацию, сосредоточение и развертывание войск округа*", предполагалось и нанесение массированного авиационного удара по сопредельной территории:

"... Последовательными ударами боевой авиации по установленным базам и боевыми действиями в воздухе уничтожить авиацию противника ... Мощными, систематическими ударами по основным группировкам войск, железнодорожным узлам и мостам нарушить и задержать сосредоточение и развертывание войск противника..."

Очевидно, что "задержать сосредоточение и развертывание войск противника" возможно только в случае нанесения первого, но никак не "ответного" удара. Более того, планы прикрытия Киевского и Ленинградского округов предполагали также возможность наступления наземных войск на территорию противника уже на этапе выполнения задач прикрытия:

"При благоприятных условиях всем обороняющимся и резервам армий и округа быть готовыми по указанию Главного Командования к нанесению стремительных ударов для разгрома группировок противника, перенесения боевых действий на его территорию и захвата выгодных рубежей".

24 мая в кабинете Сталина состоялось многочасовое совещание, участниками которого, кроме самого Сталина, были заместитель главы правительства и нарком иностранных дел Молотов, нарком обороны Тимошенко, начальник Генштаба Жуков, начальник Оперативного управления Генштаба Ватутин, начальник Главного управления ВВС Красной Армии Жигарев, командующие войсками пяти западных приграничных округов, члены Военных советов (т. е. комиссары) и командующие ВВС пяти округов.

Другого столь же представительного совещания высшего состава Красной Армии в кабинете Сталина не было - ни за несколько месяцев до 24 мая, ни после этого дня вплоть до самого начала войны. В советскую эпоху ни одного упоминания о самом факте проведения совещания - не говоря уже о стенограмме обсуждения - ни разу не появилось ни в так называемой "научной", ни в мемуарной литературе. С очень большой долей достоверности можно предположить, что именно на этом, явно неординарном совещании утвержденный Сталиным план войны против Германии и ее союзников был доведен до сведения командования западных округов (будущих фронтов).

В заключение стоит отметить, что спорить и доказывать очевидную наступательную направленность советского военно-стратегического планирования пришлось только после выхода в свет книг Виктора Суворова ("Ледокол", "День М", "Последняя республика"). До этого советские историки совершенно спокойно констатировали, что

"замысел на стратегическое развертывание и построение оперативных группировок войск в большей мере отражал наступательные цели... На расположение позиций и войск оказал влияние наступательный характер планируемых стратегических действий..."

Карта 4. Командно-штабная игра января 1941 г., "южный вариант", пунктиром обозначена линия запланированного продвижения советских войск с 8 августа по 16 сентября .

Карта 5. Мартовский (1941) план вторжения в Европу.

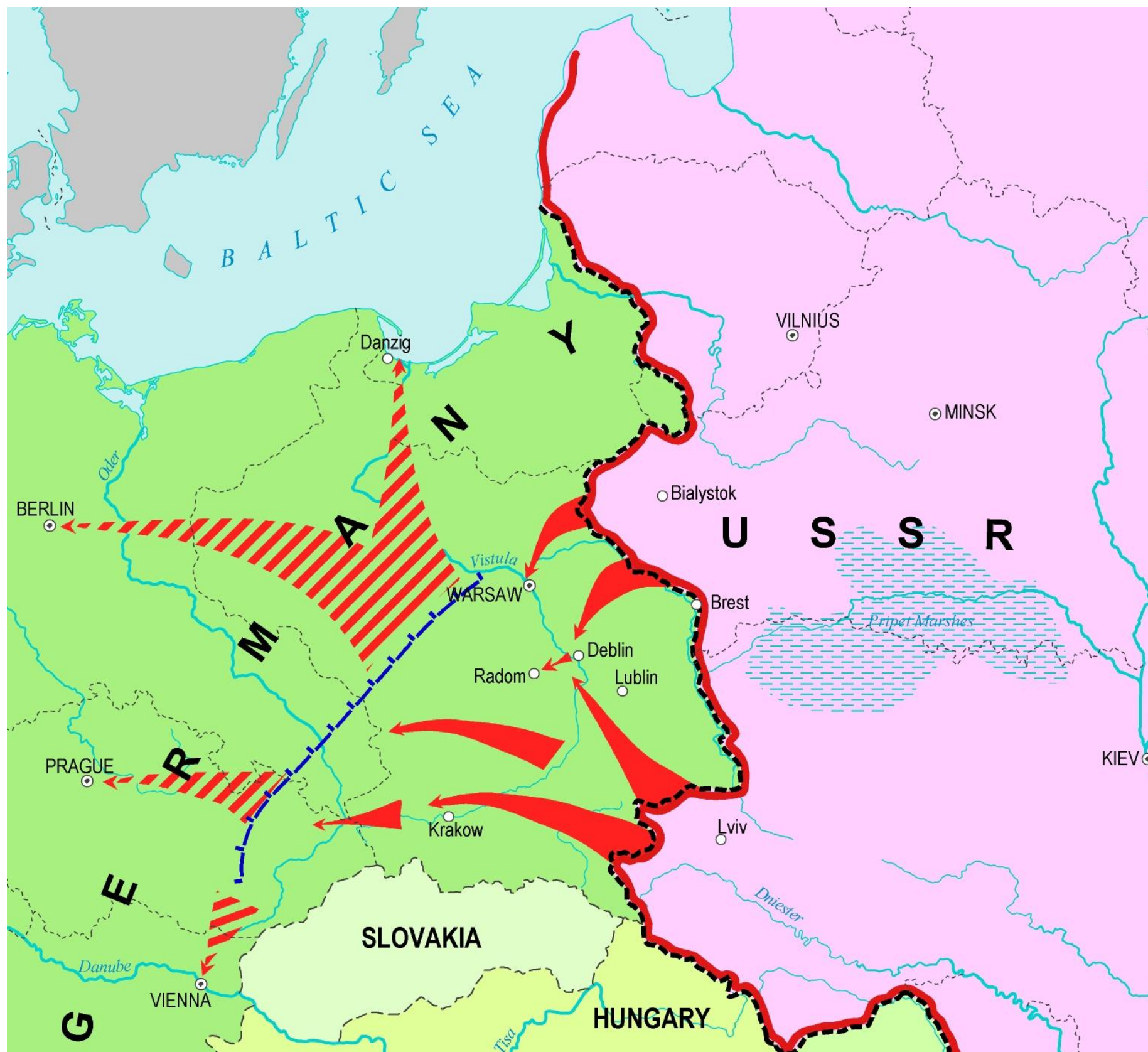

Схема 1. Дислокация мехкорпусов западных военных округов.
диаметр значка пропорционален числу танков .

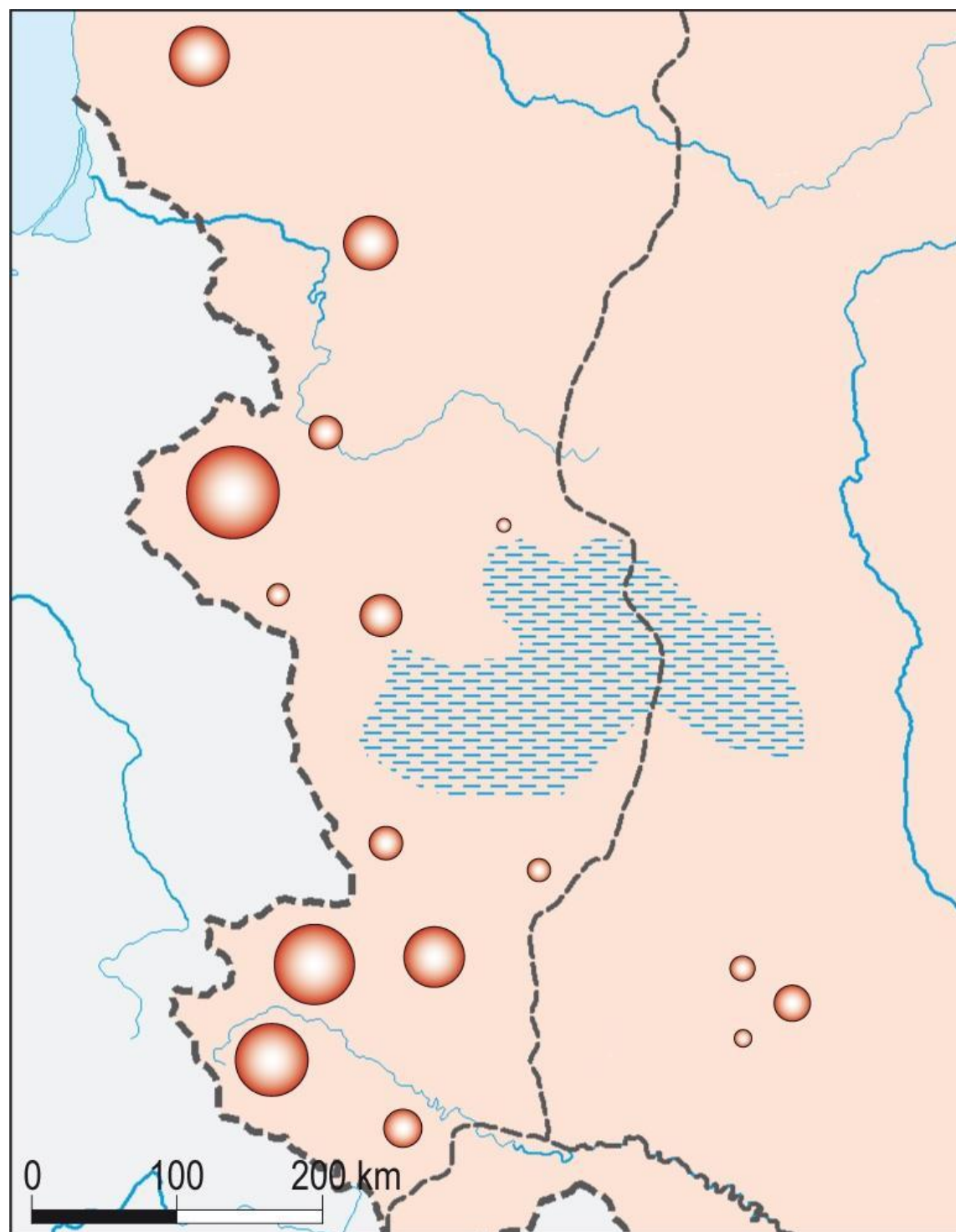

Схема 2. Дислокация мехкорпусов, получивших "танки новых типов" (Т-34 и КВ).
диаметр значка пропорционален общему числу танков в мехкорпусе, длина стрелки -
числу "танков новых типов".

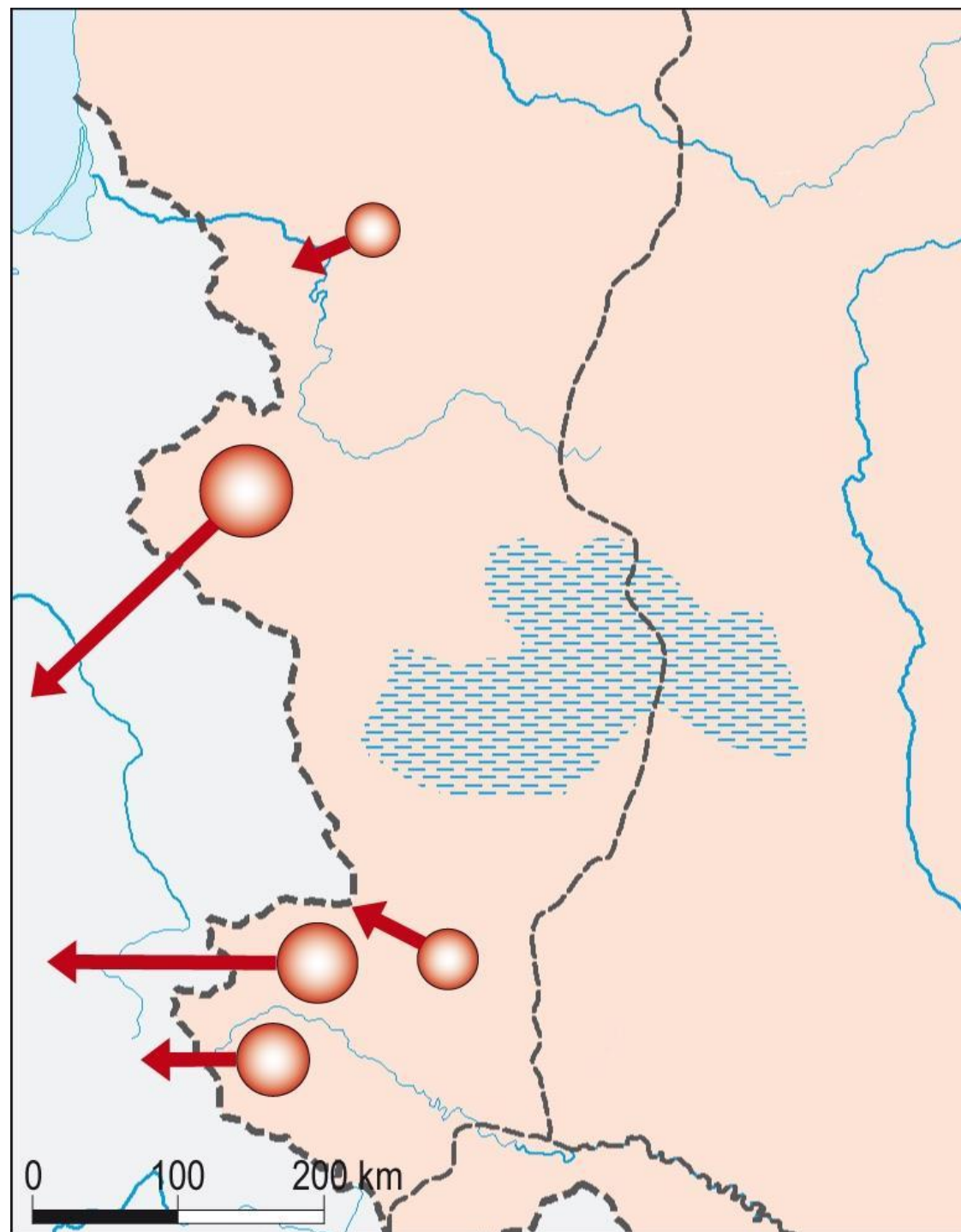

Схема 3. Дислокация дивизий фронтовой авиации (без учета ДБА и ВВС флотов).
диаметр значка пропорционален числу самолетов .

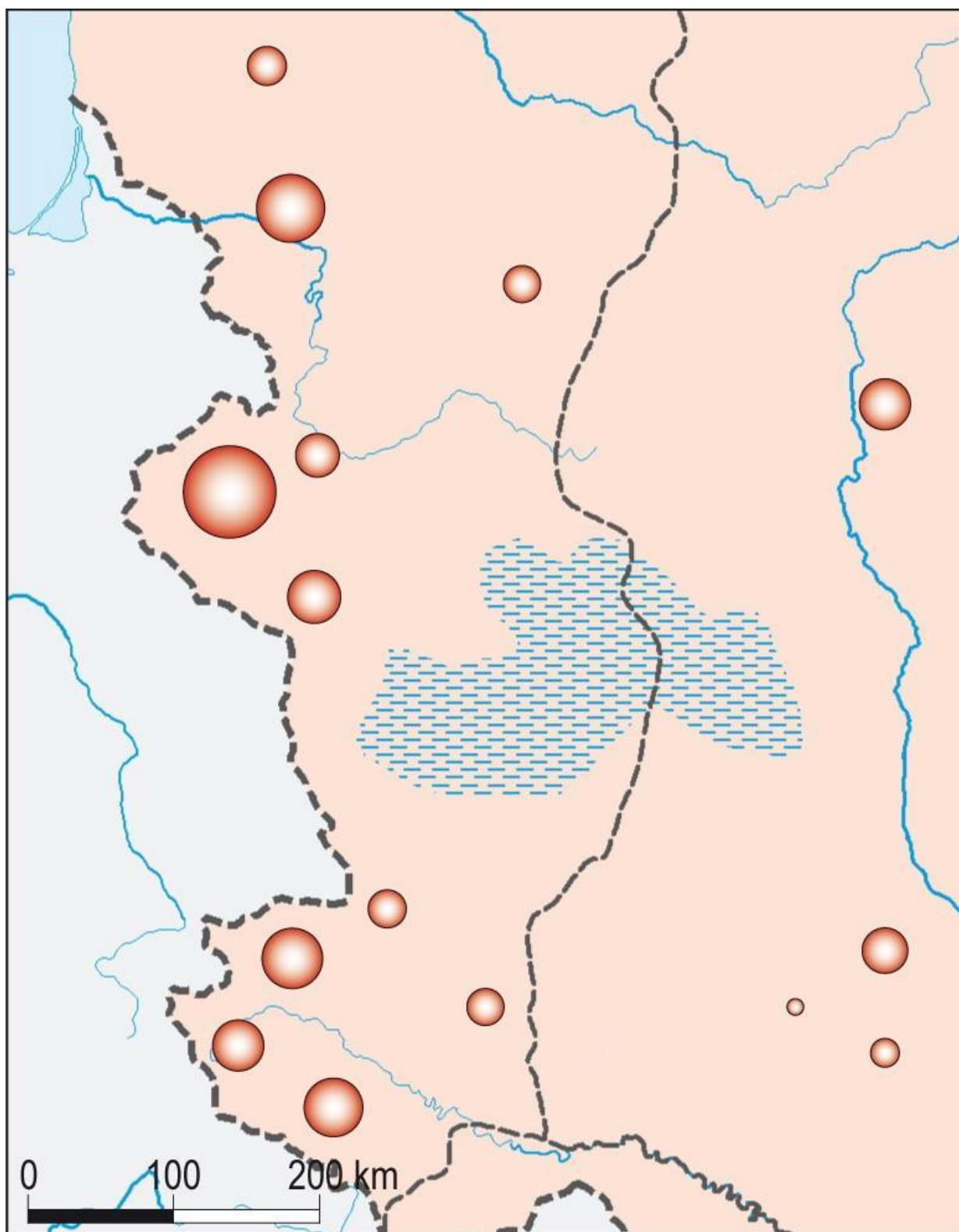
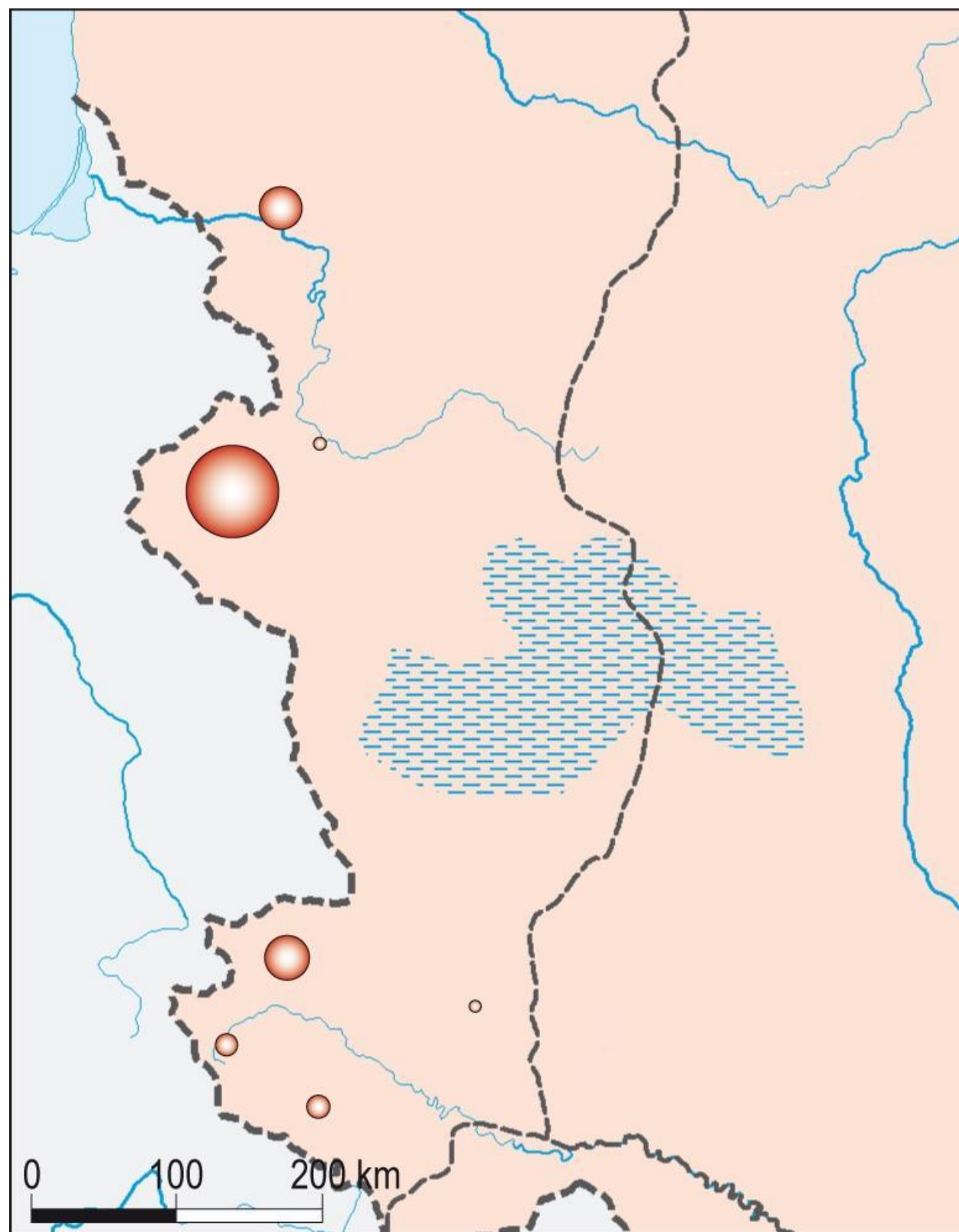

Схема 4. Дислокация авиадивизий, получивших самолеты МиГ-3, Як-1, Пе-2.
диаметр значка пропорционален числу "самолетов новых типов".

Для перевода армии из состояния мирного времени в состояние готовности к крупномасштабным боевым действиям необходимо провести обширный комплекс мероприятий, называемый на военном языке "стратегическое развертывание".

"Под стратегическим развертыванием понимается комплекс мероприятий и действий по переводу Вооруженных Сил с мирного положения на военное и созданию группировок ВС на театрах военных действий. Важнейшими составными элементами стратегического развертывания являются:

- перевод Вооруженных Сил с мирного положения на военное (мобилизационное развертывание),*
- оперативное развертывание (создание и построение группировок войск на театрах военных действий) - стратегические перегруппировки войск из внутренних районов страны на театры военных действий и между ними,*
- развертывание первоочередных стратегических резервов".*

В переводе с академического языка на человеческий, в ходе стратегического развертывания Красной Армии образца 1941 года предстояло:

- во-первых, доукомплектовать армию мирного времени людьми и техникой до штатных норм военного времени
- во-вторых, погрузить войска, технику и боеприпасы в железнодорожные эшелоны и отвезти их в западные районы СССР
- в-третьих, выгрузить солдат, пушки и танки из эшелонов и вывести их в те районы, где они должны изготавиться к боевым действиям и ждать приказа.

Поскольку на этапе развертывания войска чрезвычайно уязвимы, необходимо проведение специального комплекса мероприятий (фактически – оборонительной операции с ограниченными сроками и задачами) под названием “прикрытие мобилизации, сосредоточения и развертывания”. Соответственно, разрабатывается и специальный [план](#) прикрытия.

Особенность стратегического развертывания Красной Армии (в отличие от многих других армий мира) заключалась, главным образом, в том, что число дивизий (отдельных полков и бригад) Красной Армии уже в ходе предвоенной скрытой мобилизации было почти полностью доведено до плановой численности армии военного времени. В первые три месяца после объявления открытой мобилизации планировалось сформировать лишь весьма ограниченное (30 единиц, т.е. порядка 15% от исходного) число стрелковых дивизий. Только стрелковых. Все кавалерийские, танковые и моторизованные дивизии, воздушно-десантные бригады, отдельные артиллерийские полки и бригады РГК уже были сформированы. Таким образом, мобилизационное развертывание Красной Армии на первом этапе заключалось в доукомплектовании имеющихся частей и соединений личным и конским составом, автомобилями и тракторами.

Скрытое стратегическое развертывание Красной Армии началось в мае 1941 г. Возможно (строжайшая засекреченность соответствующих документов не позволяет дать однозначный ответ о датах и сроках развертывания) принципиальное решение было принято на [Совещании у Сталина 24 мая 1941 г.](#)

В мае-июне 1941 г. в ходе скрытой мобилизации под прикрытием "учебных сборов" было призвано 802 тыс. резервистов. Это позволило увеличить численность личного состава большей части стрелковых дивизий, разворачиваемых на западном ТВД до следующего уровня (при штатной численности 14.483 чел. в дивизии): 21 дивизия по 14 тыс. человек, 72 дивизии по 12 тыс. человек и 6 дивизий по 11 тыс. человек.

Также в мае 1941 г. началась грандиозная передислокация войск. Раньше всех начали выдвижения находящиеся в Забайкалье и в Монголии соединения 16-й Армии и 5-го мехкорпуса: 22 мая началась погрузка частей в эшелоны, которые должны были прибыть в Западную Украину в период с 17 июня по 10 июля.

С 13 по 22 мая поступили распоряжения Генштаба о начале выдвижения к западной границе еще двух армий резерва Главного командования: 22-я Армия выдвигалась в район Великие Луки - Витебск со сроком окончания сосредоточения 1-3 июля, 21-я Армия сосредоточивалась в районе Чернигов - Гомель ко 2 июля. 29 мая принято решение о формировании 19-й Армии и развертывании ее в районе Черкассы - Белая Церковь к 7 июля. Не позднее 13 июня принято решение о формировании на базе соединений Орловского и Московского ВО еще одной, 20-й Армии, которая должна была сосредоточиться у Смоленска к 3-5 июля.

Общий объем перевозок войсковых соединений составлял 939 железнодорожных эшелонов. Передислокация происходила с соблюдением совершенно беспрецедентных мер строжайшей секретности. Так, 12 июня 1941 г. нарком обороны приказывал командующему Киевского ОВО:

"О прибытии частей 16-й Армии, кроме Вас, члена Военного Совета и начальника штаба округа, никто не должен знать... Открытые разговоры по телефону и по телеграфу, связанные с прибытием, выгрузкой и расположением войск, даже без наименования частей, категорически запрещаю... Условное наименование применять при всякой переписке, в том числе и на конвертах совершенно секретных документов..."

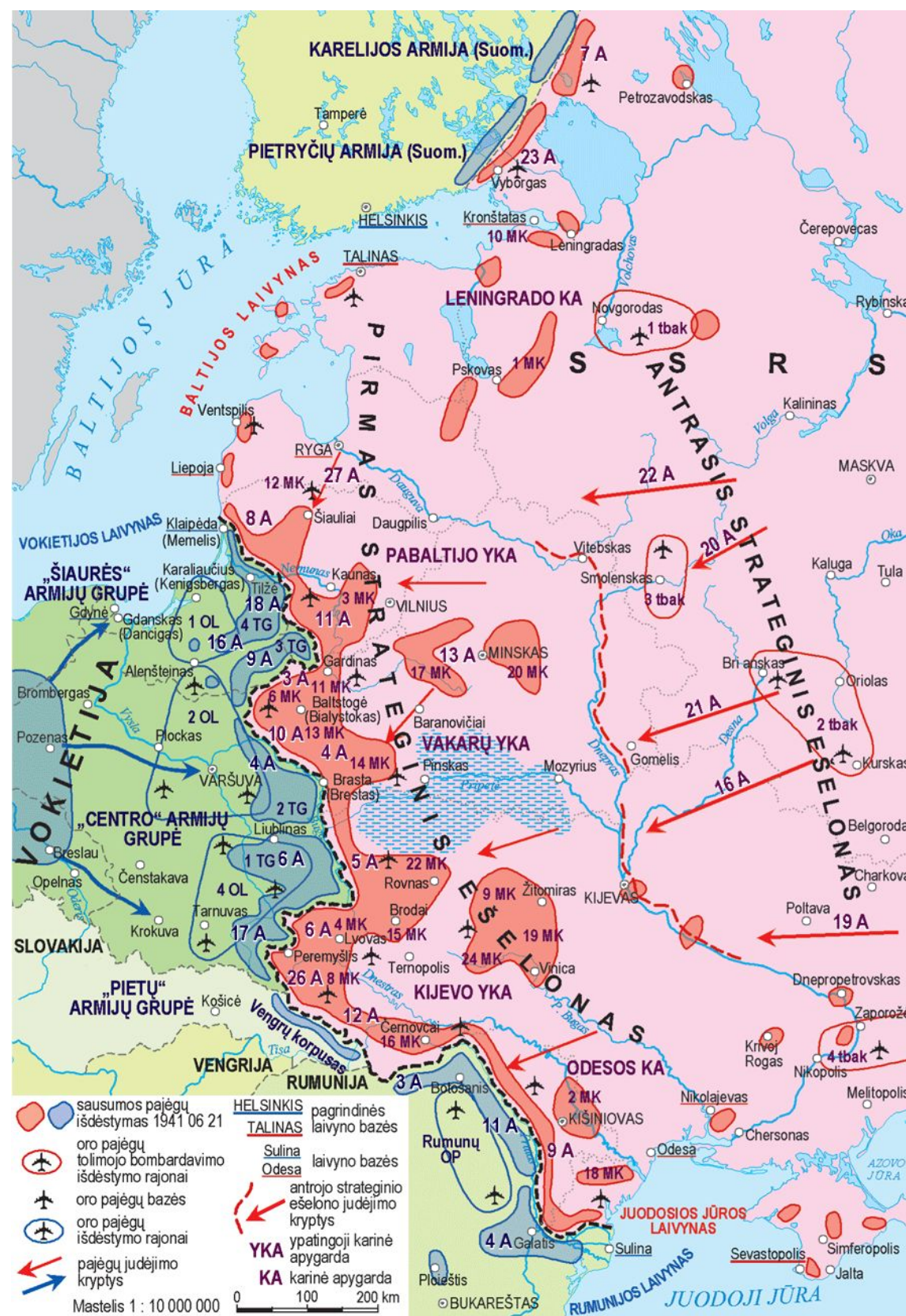
В середине июня началось уплотнение оперативного построения войск Первого Стратегического эшелона. В период с 12 по 15 июня командование западных округов получило приказы на выдвижение дивизий окружного (фронтового) резерва к государственной границе. 32 дивизии западных округов тайно, ночными переходами, через леса и болота двинулись к границе. В директиве наркома обороны № 504205 от 13 июня 1941 г. указывалось: *"Передвижения войск сохранить в полной тайне. Марш совершать с тактическими учениями, по ночам. С войсками вывести полностью возимые запасы огнеприпасов и горюче-смазочных материалов. Семьи не брать. Исполнение донести нарочным к 1 июля 1941 г."*

Соображениями секретности объяснялось и сохранение режима работы железных дорог "по мирному времени". Для сравнения отметим, что 12 сентября 1939 г., на этапе стратегического развертывания Красной Армии перед войной с Польшей, режим военных перевозок был введен на железных дорогах европейской части СССР. Однако в мае-июне 1941 г. ничего подробного сделано не было. Это незаурядное обстоятельство заслуживает особого внимания.

Иллюстрация:

[Карта 6. Стратегическое развертывание Красной Армии в июне 1941 г.](#)

Карта 6. Стратегическое развёртывание Красной Армии в июне 1941г.

Приказ командующего Прибалтийского ОВО № 0052 от 15 июня 1941 г.

"... Установку противотанковых мин и проволочных заграждений перед передним краем укрепленной полосы готовить с таким расчетом, чтобы в течение трех часов минное поле было установлено... Проволочные заграждения начать устанавливать немедленно. ... С первого часа боевых действий организовать охранение своего тыла... Самолеты на аэродромах рассредоточить и замаскировать в лесах, кустарниках, не допуская построения в линию, но сохраняя при этом полную готовность к вылету. Парки танковых частей и артиллерии рассредоточить, разместить в лесах, тщательно замаскировать, сохраняя при этом возможность в установленные сроки собраться по тревоге... Командующему армией, командиру корпуса и дивизии составить календарный план выполнения приказа, который полностью выполнить к 25 июня с. г."

Директива Военного Совета Прибалтийского ОВО № 00224 от 15 июня 1941 г.

"На случай нарушения противником границы, внезапного нападения крупных его сил или перелета границы авиационным соединением, устанавливаю следующий порядок оповещения... Донесения по радио посылать открытым текстом, ему должен предшествовать пароль "СЛОН" и цифра, шифрующая должность доносящего..."

... Донесение должно быть отправлено через радиостанции П-АК или РСБ на волне 156. Для своевременного получения донесения приемники всех штабов соединений с 17.6.41 г. должны стоять на волне 156..."

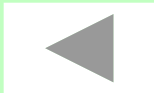
Приказ командующего Прибалтийского ОВО № 00229 от 18 июня 1941 г.

"... Начальнику зоны противовоздушной обороны к исходу 19 июня 1941 г. привести в полную боевую готовность всю противовоздушную оборону округа... К 1 июля 1941 г. закончить строительство командных пунктов, начиная от командира батареи до командира бригадного района (ПВО)

... Не позднее утра 20.6.41 г. на фронтовой и армейские командные пункты выбросить команды с необходимым имуществом для организации на них узлов связи... Систематически производить проверку связи с командными пунктами... Организовать и систематически проверять работу радиостанций согласно утвержденному мною графику... Наметить и изготовить команды связистов, которые должны быть готовы к утру 20.6.41 г. по приказу командиров соединений взять под свой контроль утвержденные мною узлы связи...

... Определить на участке каждой армии пункты организации полевых складов противотанковых мин, взрывчатых веществ и противопехотных заграждений. Указанное имущество сосредоточить в организованных складах к 21.6.41 г....

... Создать на телшяйском, шяуляйском, каунасском и калварийском направлениях подвижные отряды минной противотанковой борьбы. Для этой цели иметь запасы противотанковых мин, возимых автотранспортом. Готовность отрядов 21.6.41 г.... ...План разрушения мостов утвердить Военным советам армий. Срок выполнения 21.6.41 ... Отобрать из частей округа (кроме механизированных и авиационных) все бензоцистерны и передать их по 50% в 3-й и 12-й механизированные корпуса. Срок выполнения 21.6.41 г."

Приказ командира 12-го мехкорпуса № 0033 от 18 июня 1941 г.

"С получением настоящего приказа привести в боевую готовность все части. Части приводить в боевую готовность в соответствии с планами поднятия по боевой тревоге, но самой тревоги не объявлять... С собой брать только необходимое для жизни и боя..." (далее в приказе следует указание начать в 23-00 18 июня выдвижение в районы сосредоточения, причем все конечные пункты маршрутов находятся в лесах).

Штаб ВВС Прибалтийского военного округа уже 20 июня переместился из г. Рига на полевой командный пункт в районе г. Паневежис; Оперативные сводки ("боевой отчетно-информационный документ") № 1,2,3 штаб ВВС выпустил, соответственно, в 17-00 20 июня, в 5-00 и 17-00 21 июня, причем в сводках констатировалось: "Части боевых действий не производили".

Журнал боевых действий (ЖБД) Северо-Западного фронта начат... 18 июня! 21 июня (это не опечатка) начальник штаба Северо-Западного фронта издает приказ, в котором требует от своих подчиненных не использовать в документах название "Северо-Западный фронт", дабы не демаскировать состоявшийся несколькими днями ранее (точная дата все еще не известна, возможно, что 18 июня) факт создания фронтового управления на базе Прибалтийского округа

Все процитированные выше приказы относятся к Прибалтийскому военному округу (будущий Северо-Западный фронт), однако этот округ (и судьба разгромленного в первые же дни войны С-З.фронта) вовсе не были исключением из правил. Такие же по смыслу приказы, в точном соответствии с директивами из Москвы отдавались и во всех прочих приграничных округах - просто документы Прибалтийского ОВО оказались, к счастью, рассекречены и стали доступны независимым исследователям.

В начале сентября 1941 г. немцы сходу, практически без серьезных боев, форсировали полноводный Днепр в районе г. Кременчуг, навели 1,5-километровые понтонные мосты, по которым дивизии 1-й Танковой группы переехали на восточный берег. Наступающая с севера 2-я Танковая Группа переехала через р. Десна по невзорванному мосту у Макошино. Вечером 14 сентября в районе Лохвицы (200 км к востоку от Киева) встретились передовые части 3-й танковая дивизия (2-й ТГр) и 9-й танковой дивизии (1-я ТГр). Это означало, что кольцо окружения гигантского "киевского котла" сомкнулось. Стоит отметить, что перед началом наступления в составе 3-й тд был 41 исправный танк, а в составе 9-й тд - 51 танк. Огромная группировка советских войск прекратила организованное сопротивление менее, чем через неделю. Верховное командования вермахта сообщило тогда о захвате (с учетом трофеев 2-й ТГр при наступлении от Рославля к Десне) 665 тыс. пленных, 3718 орудий и 884 танков.

В первой декаде октября 1941 г. главные сил Западного, Резервного и Брянского фронтов (67 стрелковых и 6 кавалерийский дивизий, 13 танковых бригад) были разгромлены в двух огромных "котлах" у Вязьмы и Брянска. По утверждению Верховного командования вермахта в плен попало 658 тыс. человек, было захвачено 5396 орудий и 1241 танк. Октябрьская катастрофа по своим масштабам намного превзошла разгром Западного фронта, имевший место в июне 1941 г. Еще одним качественным отличием "вяземского котла" от котла минского было множество генералов самого высокого уровня, оказавшихся в немецком плену. В их числе: командующий 19-й Армии Лукин, командующий 20-й Армии Ершаков, Член ВС 32-й Армии Жиленков, командующий 32-й Армии Вишневский, начштаба 19-й Армии Малышкин, начальник артиллерии 24-й Армии Мошенин, начальник артиллерии 20-й Армии Прохоров.

В начале января 1942 г. советские войска провели успешную десантную операцию, форсировали Керченский пролив и высадились на территории Крыма. Обладая значительным численным превосходством над противником (13 советских дивизий против 3 немецких) Крымский фронт предпринял несколько неудачных попыток прорваться от Керчи к осажденному Севастополю. 8 мая 1942 г. немецкие войска перешли в контрнаступление. К 20 мая советские войска на полуострове были полностью разгромлены, в плен по немецким данным попало 150 тыс. человек, было захвачено 347 танков, 3476 орудий и минометов.

12 мая 1942 г. началась Харьковская наступательная операция. Советские войска форсировали р. Северский Донец и вышли к пригородам Харькова. В это время немецкая

1-я Танковая армия форсировала ту же самую реку в районе города Изюм (в 100 км южнее Харькова) и, продвигаясь на север вдоль восточного берега, перерезала коммуникации советских войск. В "котле" на западном берегу Донца оказалось пять советских армий. Немцы заявили тогда о захвате в плен 240 тыс. человек.

Иллюстрация :

[- Пленные](#)

Рис. 10. Колонна советских пленных из Харьковского котла

1.7. Незавершенность стратегического развертывания (“противник получил возможность разбить Красную Армию по частям”)

В последнее время, в работах современных российских историков, тезис о "внезапном нападении" был существенно модернизирован. Теперь принято говорить о "незавершенности стратегического развертывания, о "неотмобилизованности войск", что и привело к тому, что "противник получил возможность разбить Красную Армию по частям".

С точки зрения соответствия реальной картине событий эти утверждения в целом верны. К утру 22 июня стратегическое развертывание войск Первого и Второго стратегических эшелонов было еще далеко от завершения.

Противник, действительно, разбил Красную Армию по частям: сначала, в первые 10-15 дней были разгромлены (в ряде случаев - окружены и уничтожены) войска западных приграничных округов (Первый Стратегический эшелон), при этом была потеряна большая часть тяжелого дорогостоящего вооружения (танки и самолеты); затем в период с 5-10 июля до середины августа были разгромлены прибывшие на театр военных действий войска Второго Стратегического эшелона (в основном - стрелковые дивизии, крупных танковых соединений там было значительно меньше).

Все это - бесспорные факты. Гораздо более сложным и спорным является ответ на вопрос: что тут было причиной, а что - следствием? Незавершенность мобилизации и развертывания стала причиной многомесячной череды поражений - или начавшееся с первых же дней (и даже часов) войны беспорядочное отступление войск и паническое бегство гражданской администрации (т.е. партийных секретарей и работников НКВД) не позволило **завершить** начатые ранее мобилизационные мероприятия в плановые сроки?

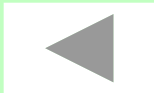

1.7 (Продолжение)

Прежде всего, следует учесть количественные параметры проблемы. Запоздалое (лишь после фактического начала боевых действий) объявление открытой мобилизации, несомненно, ослабило боевую мощь Красной Армии - но отнюдь не свело ее к нулю. [Плановые сроки полного отмобилизования](#) соединений первого эшелона фронтов составляли всего несколько дней или даже часов. В западных приграничных округах стрелковые дивизии - основа сухопутных армий того времени и (что особенно важно в данном случае) главная сила в обороне - к моменту начала боевых действий уже были укомплектованы личным составом и боевой техникой на 70-80 и более процентов от штатной численности.

В соответствии с [предвоенными планами и расчетами](#) советского командования войска западных округов, опираясь на две линии долговременных укреплений (т.н. "линия Молотова" и "линия Сталина") и естественные препятствия (многочисленные приграничные реки, текущие в меридиональном направлении) могли и должны были сдерживать наступление многократно превосходящих сил противника в течение одной-двух недель. Этого времени вполне хватало для полного завершения основных мероприятий по отмобилизованию и стратегическому развертыванию Вооруженных Сил СССР.

Наконец, сами огромные пространства страны служили естественным "демпфером", смягчающим первый удар неприятеля. Как ни странно это звучит, но незавершенность стратегической перегруппировки была по-своему выгодна - утром 22 июня первому удару неприятеля подверглось никак не более 10-15% от общего числа соединений Красной Армии; большая же часть Вооруженных Сил в первые дни войны не понесла ни малейших потерь. Войска Второго стратегического эшелона вступали в боевые действия, как правило, будучи уже полностью укомплектованы по штатам военного времени - что, однако, не привело к сколь-нибудь заметному изменению характера и исхода боев и операций.

Как было выше отмечено, завершение сосредоточения армий Второго Стратегического эшелона в заданных районах развертывания было запланировано на первую декаду июля 41-го года. Так, 22-я Армия сосредотачивалась в районе Великие Луки - Витебск к 1-3 июля; 20-я Армия должна была сосредоточиться у Смоленска к 3-5 июля; 21-я Армия сосредотачивалась в район Чернигов - Гомель ко 2 июля; 19-я Армия развертывалась в районе Черкассы - Белая Церковь к 7 июля. К утру 22 июня из 77 дивизий Второго Стратегического эшелона в плановые районы оперативного развертывания прибыло не более 17-20 дивизий.

К утру 22 июня не было завершено (фактически - лишь началось) выдвижение дивизий второго эшелона войск приграничных военных округов (так называемых "глубинных частей") на запад, ближе к границе. Плановый срок завершения этой передислокации был установлен на 1 июля; войска двигались, как правило, пешим маршем, и существенно ускорить его выполнение было едва ли возможно.

В рамках скрытой, тайной мобилизации невозможно было осуществить и весь комплекс мобилизационных мероприятий, прежде всего - связанных с призывом основной массы (несколько миллионов человек) резервистов и передачей сотен тысяч единиц автотранспортной техники и тракторов из народного хозяйства в действующую армию. Провести столь масштабные мероприятия незаметным для агентурной разведки противника способом было невозможно (или, говоря точнее, было сочтено невозможным).

"Проведенная в нашем районе мобилизация эффекта не дала. Люди скитаются без цели, нет вооружения и нарядов на отправку людей. В городе полно командиров и красноармейцев из Бреста и Кобрин, не знающих, что им делать, и беспрестанно продвигающихся на машинах на восток безо всякой команды... В Пинске сами в панике подорвали артсклады и нефтебазы и объявили, что их немцы бомбами подорвали, а начальник гарнизона и обком партии [Брестский] сбежали к нам в Лунинец... Эти факты подрывают доверие населения. Нам показывают какую-то необъяснимую расхлябанность..."

Телефонограмма секретаря райкома (г. Лунинец, Белоруссия) в ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г.

" С 22 июня мы не получаем никаких указаний о нашей деятельности. Ни секретарь Смоленского обкома, ни председатель Облисполкома не дали ни одного указания или совета и даже не отвечают на телефонные запросы... Даже узкий круг руководящих работников не имеет хотя бы приблизительной информации о положении на близлежащих фронтах, плюс к этому видишь, что из Смоленска бегут, а областные власти молчат, и становится трудно ориентироваться и отличать правду от провокации... Если дальше каждый руководящий советский партийный работник начнет заниматься эвакуацией своей семьи, то защищать Родину будет некому".

Письмо членов штаба обороны г. Ельня в ЦК ВКП(б) от 30 июня 1941 г.

«В первый же момент нападения немецко-фашистских войск Лазаренко проявил растерянность и бездействие, оставил в Брестской крепости часть войск дивизии, вооружение, продовольственные и вещевые склады. Никаких указаний названным частям Лазаренко не дал... Вследствие преступного поведения Лазаренко находившаяся в Брестской крепости часть войск дивизии погибла или попала в плен к противнику... Тогда же вместо принятия решительных мер к организации отпора врагу Лазаренко самовольно выехал в штаб корпуса для доклада обстановки, оставив в этот ответственный момент сохранившиеся части дивизии без надлежащего руководства...»

Из приговора Военной коллегии ВС СССР по делу командира 6-й сд генерал-майора Лазаренко

"Тревожное настроение, паника, беспорядки, бестолковая и ненужная эвакуация с каждым днем и часом все больше увеличиваются... Облсполком распустил свои отделы. Большинство работников со своими семьями уехали. Райсоветы также не работают и никакого порядка в городе не наводят. Сейчас в Витебске не найдется ни одного учреждения, которое бы работало. Закрылись и самоликвидировались все, в том числе облсуд, нарсуды, облпрокуратура, облздрав, профсоюзы и т. д... Среди отдельных групп рабочих, возможно отсталых, стали появляться вредные настроения и недостойные выкрики о том, что бегут коммунисты, администрация и так далее..."

Тюрьма ликвидировалась. Милиция работает слабо, а НКВД также сворачивает свою работу. Все думают, как бы эвакуироваться самому, не обращая внимания на работу своего учреждения. Председатель Витебского горсовета Азаренко загрузил в приготовленный им грузовик бочку пива, чтобы пьянствовать в дороге, как он обыкновенно это делает в городе у себя на службе..."

Доклад военного прокурора Витебского гарнизона т. Глинка от 5 июля 1941 г.

"В отдельных районах партийные и советские организации проявляют исключительную растерянность и панику. Отдельные руководители районов уехали вместе со своими семьями задолго до эвакуации районов. Руководящие работники Гродненского, Новоград-Волынского, Коростенского, Тарнопольского районов в панике бежали задолго до отхода наших частей, причем вместо того, чтобы вывезти государственные материальные ценности, вывозили имеющимся в их распоряжении транспортом личные вещи. В Коростенском районе оставлен архив райкома КП(б) и разные дела районных организаций в незакрытых комнатах..."

Доклад начальника Управления политпропаганды Юго-Западного фронта Михайлова от 6 июля 1941 г.

"Следует отметить, что ряд работников партийных и советских организаций оставили районы на произвол судьбы, бегут вместе с населением, сея панику. Секретарь РК КП(б)У и Председатель РКК Хмельницкого района 8.7. покинули район и бежали. 5 июля районные руководители Янушпольского района также в панике бежали. 7 июля секретарь Улановского РК КП(б)У, председатель РИКа, прокурор, начальник милиции позорно бежали из района. Госбанк покинут на произвол судьбы. В райотделе связи остались ценности, денежные переводы, посылки и т. п. В этом районе отдел милиции бросил без охраны около 100 винтовок..."

Доклад начальника Управления политпропаганды Юго-Западного фронта Михайлова от 11 июля 1941 г.

"Как правило, местные советские и партийные органы, находящиеся от линии фронта на 70-100 км, бездействуют... Руководители панически эвакуируют свои семьи, оставляя на произвол судьбы подлежащее эвакуации население... Среди большинства местных гражданских советских и партийных организаций царит полная растерянность. Руководители районов "сидят на чемоданах", прекращают свою деятельность и первыми удирают задолго еще до того, как появился враг в их районах... Бездеятельность местных властей, бегство при первых же слухах о приближении неприятеля создает возможность для проведения антисоветской агитации..."

Донесение начальника политуправления Южного фронта № 6194 от 6 августа 1941 г.

"После эвакуации аппарата ЦК ВКП(б) в кабинетах ЦК царил полный хаос... В кабинете тов. Жданова обнаружены пять совершенно секретных пакетов..."

Донесение зам. Начальника 1-го отдела НКВД СССР Д.Шадрин от 21 октября 1941 г.

Плановые сроки полного отмотобилизования стрелковых дивизий измерялись часами.

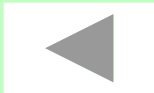
Приведем небольшой отрывок из монографии генерала Владимирского (в 1941 году - заместитель начальника оперативного отдела штаба 5-й Армии Киевского ОВО):

"... С 20 мая 1941 г. в целях переподготовки весь рядовой и сержантский состав запаса привлекался на 45-дневные учебные сборы при стрелковых дивизиях. Это позволило довести численность личного состава каждой стрелковой дивизии до 12—12,5 тыс. человек, или до 85—90 процентов штатного состава военного времени..."

... Предусмотренный порядок отмотобилизования в основном сводился к следующему. Каждая часть делилась на два мобилизационных эшелона... Срок готовности первого эшелона к выступлению в поход для выполнения боевой задачи был установлен в 6 часов.

Второй мобилизационный эшелон части включал в себя 15-20 процентов кадрового состава, а также весь прибывавший по мобилизации приписной состав запаса. Срок готовности второму эшелону был установлен: для соединений, дислоцированных в приграничной полосе, а также для войск ПВО и ВВС — не позднее первого дня мобилизации, а для всех остальных соединений — через сутки..."

Технически сложные рода войск (артиллерия, танки, авиация) уже в мирное время содержались по штатам, максимально приближенным к штатам военного времени. Так, утвержденное 6 июля 1940 г. штатное расписание танковой дивизии предполагало наличие 10.493 человек в мирное время и 11.343 - в военное. С объявлением мобилизации требовалось призвать лишь минимальное количество политического, административно-технического и обслуживающего персонала. Части ВВС в основном содержались по штатам военного времени. Установленные сроки приведения авиаполков (различных типов) в боевую готовность составляли от 2 до 4 часов.

В целом во всех Вооруженных Силах СССР (армия, авиация, флот) к началу войны несли службу 5,6 млн. человек. Всего же, после полного отмотобилизования военных округов европейской части СССР (включая Уральский и Северо-Кавказский округа) общая численность Вооруженных Сил по плану МП-41 должна была составить 7,85 млн. человек. Другими словами, численность армии уже в мирное время составляла 71 % от численности армии военного времени. Причем подлежащие призыву контингенты главным образом поступали на укомплектование соединений Второго эшелона, тыловых, санитарных, транспортных, ремонтных частей и служб.

Серьезной проблемой было укомплектование частей (особенно - танковых и моторизованных) автотранспортом и средствами мехтяги артиллерии (т.е. тракторами). Примерно половина от планового количества этой техники в мирное время находилась в народном хозяйстве и должна была быть передана в войска лишь после объявления открытой мобилизации. Признавая наличие проблемы, следует учесть и её количественные параметры. Так, уже к 15 июня 1941 г. в Красной Армии числилось 36,3 тыс. тракторов и тягачей (и это не считая 6,7 тыс. "Комсомольцев"), что вдвое превышало наличное число артсистем. Еще ДО объявления открытой мобилизации в войсках находилось 273 тыс. автомобилей всех типов - в среднем по 900 единиц на одну дивизию.

В среднем. В моторизованных дивизиях западных приграничных округов могло и должно было быть больше автотранспорта, нежели в стрелковых дивизиях Сибирского или Уральского военных округов...

В феврале 1941 г. в Прибалтийском Особом военном округе была проведена командно-штабная игра на тему: "Оборонительная операция фронта с последующим переходом в наступление для уничтожения противника". В соответствии со сценарием игры, "западные", **опередив "восточных" в сосредоточении и развертывании** (именно это и произошло в реальности в июне 41-го), перешли в наступление, нанося основной удар на Шауляй силами 24 пехотных дивизий и вспомогательный удар на Каунас, Вильнюс силами 16 пехотных дивизий. Всего 40 пехотных дивизий, т.е. ровно в 2 раза больше, чем оказалось в реальности в составе Группы армий "Север".

Основная группировка "западных", наступающая на Шауляй, имела в своем составе 4200 танков (в семь раз больше, чем было 22 июня в составе 4-й Танковой группы вермахта); в составе каунасской группировки "западных" было 725 танков (в реальности несколько южнее, по линии Алитус-Вильнюс, наступала 3-я Танковая группа вермахта, на вооружении которой было 920 танков). С воздуха наступление "западных" поддерживали 2 тыс. самолетов (фактически в составе 1-го Воздушного флота люфтваффе по состоянию на 22 июня числилось, включая неисправные, 434 боевых самолета).

В составе группировки "восточных" (включая резерв армий) было 15 стрелковых дивизий (фактически, к началу войны в составе войск Прибалтийского ОВО числилось 19 стрелковых дивизий, или только 13 - если не считать т.н. "национальные дивизии", укомплектованные жителями Прибалтики, которые бросили оружие еще до первых выстрелов) и 4 танковые бригады, на вооружении которых было 775 танков (фактически в составе 3-го и 12-го мехкорпусов Прибалтийского ОВО к началу войны было 1400 танков). Таким образом, по условиям "игры" противник имел почти 3-кратное превосходство в численности пехоты и более, чем 6-кратное, превосходство в танках.

При таком начальном соотношении сил перед "восточными" была поставлена задача: *"используя заблаговременно подготовленные рубежи и сохраняя живую силу, обеспечить развертывание главных сил фронта в районе Шауляй, Паневежис, Вильнюс; после сосредоточения их - перейти в наступление для разгрома противника"*.

Условные "боевые действия" происходили в течение двух недель, с 18 июня (странная ирония истории...) по 3 июля. "Восточные" успешно сдержали наступление "западных" на рубеже Шауляй, Каунас, река Неман и даже смогли нанести тактический контрудар по главной группировке противника, отбросив ее от Шауляя. 3 июля "восточные", после развертывания главных сил, сосредоточив на фронте 68 стрелковых дивизий и 4,5 тыс. танков, переходят в решительное наступление. К 5 июля противник отброшен к госгранице, при этом одна из трех армий "западных" окружена, и ее остатки с боями прорываются на запад...

В реальности немцы заняли Каунас и Вильнюс 24 июня (на третий день войны), а к концу июня прошли всю Литву и часть Латвии, заняли города Шауляй, Паневежис, Даугавпилс и Рига, вышли на рубеж реки Западная Двина (Даугава) и форсировали ее в двух местах, создав таким образом плацдарм для развития наступления на Псков и Остров. Войска Прибалтийского ОВО (Северо-Западного фронта) были разгромлены, немногочисленные разрозненные части отошли на север (в Эстонию) или были отброшены противником за Даугаву.

1.8. Главный тезис : причина поражения - человеческий фактор

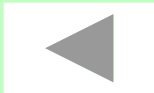
М. Солонин утверждает, что главная причина военной катастрофы 41-го года лежит вне сферы проблем оперативного искусства, тактики, количества и качества вооружений.

Более того, если бы эти категории определяли исход вооруженного противостояния, то победа Красной Армии была бы скорой и неизбежной.

В самой краткой формулировке ответ на вопрос о причине поражения может быть сведен к четырем словам: **КРАСНАЯ АРМИЯ НЕ ВОЕВАЛА**. Сражались - нередко с огромным упорством и самоотверженностью - отдельные части, подразделения, люди. Если бы и они не воевали, то немцы бы дошли до Владивостока. Если бы воевала организованная армия, то в октябре 41-го война могла бы закончиться в Берлине. Но этого не произошло.

Летом 1941 года на полях сражений встретились не две армии, а организованные и работающие как отлаженный часовой механизм Вооруженные силы фашистской Германии с одной стороны, и почти неуправляемая вооруженная толпа - с другой. Результат столкновения армии и толпы не мог быть иным. Даже огромное количество первоклассного вооружения не позволит толпе победить армию. И за свое поражение неорганизованная толпа заплатит потерями, намного превосходящими потери армии противника.

Причины превращения Красной Армии в неуправляемую толпу не имели ничего общего с пресловутым "отсутствием средств связи" или же с мифическим "внезапным нападением". И причиной, и следствием, и главным содержанием процесса стихийного распада армии стали массовое неисполнение приказов, массовое дезертирство (как явное, так и скрытое), массовая сдача в плен. Советский Союз оказался не готовым к войне с точки зрения "человеческого фактора". В полном противоречии с тем, что десятилетиями вдалбливала [советская пропаганда](#), Красная Армия уступала противнику не в числе пушек, танков и пулеметов, а в готовности, умении и желании солдат исполнить свой долг. В столкновении с настоящим, упорным и стойким противником выяснилось, что в Красной Армии было много танков, но мало мотивации для вооруженной борьбы.

Советская пропаганда никогда не отрицала значение "человеческого фактора". Напротив, именно "небывалый в истории массовый героизм", "монолитное единство партии и народа", "всенародный патриотический подъем" были объявлены главными источниками несокрушимой мощи Красной Армии. Правда, при этом считалось (и эта ложь многократным, тысячекратным повторением закреплялась в массовом сознании), что "небывалый массовый героизм" - это аксиома, не нуждающаяся в доказательствах, что высокая мотивация к исполнению воинского долга априори присуща всякому "советскому человеку, воспитанному комсомолом и партией". Увы, реальность оказалась гораздо сложнее.

С точки зрения способов мотивации участников вооруженной борьбы две Мировые войны 20-го столетия представляют собой явление вполне уникальное. Ничего подобного за всю многотысячелетнюю историю человечества не было.

В эпоху родо-племенного строя воинами были все взрослые мужчины племени, цель войны была проста и понятна каждому - насильственный захват ресурсов (еды, воды, пастбищ, охотничьих угодий). Цена поражения также сомнений не вызывала: мужчин убьют (возможно, съедят), женщин и подростков угонят в рабство. Схватка происходила у "порога родного дома" (часто в прямом смысле этих слов). Вопрос мотивации в таких условиях решался достаточно просто.

В эпоху феодализма на огромных просторах от Португалии до Японии сложился порядок, при котором военное дело стало обязанностью и одновременно исключительным правом крайне малочисленного сословия дворян/рыцарей/самураев. От "простолюдинов" (а они составляли как минимум девять десятых всего населения) участие в войне не требовалось - или даже прямо запрещалось (в средневековой Японии крестьянин, прикоснувшийся к рукояти меча, подлежал казни). Высокий уровень мотивации рыцарей обеспечивался сочетанием многих факторов.

Начнем с того, что по мнению ряда исследователей само сословие феодалов сложилось из мужчин, генетически наделенных высоким уровнем агрессии и стремления к доминированию. Даже если отбросить такую "зоологическую" аргументацию, сами условия воспитания юноши в дворянской среде делали его высоко мотивированным воином. "Честь дороже жизни", "гибель на поле сражения - вот единственный достойный финал земной жизни", "если гусар дожил до 30 лет, то это плохой гусар" - такие представления закреплялись на протяжении сотен лет, в длинной веренице поколений.

Впрочем, "высокая идейность" успешно дополнялась и явной материальной заинтересованностью. Снять дорогие доспехи (а они в до-индустриальную эпоху были на самом деле очень дороги) и драгоценные украшения с убитого противника считалось делом ничуть не умаляющим рыцарское достоинство. Причем мародерством на поле боя обогащение победителя отнюдь не заканчивалось. Далее следовал грабеж взятого штурмом города, а в конце славного пути - щедрая награда от сюзерена: от деревеньки с крестьянами (т.е. пожизненная пенсия в размере, по меньшей мере обеспечивающем скромное существование) до обширных земельных владений и целых провинций.

На рубеже Средних веков и Нового времени "благородных разбойников" на поле брани сменили откровенные наемники. Война была их работой; жалование и общепризнанное право на мародерство - бесхитростной основой мотивации.

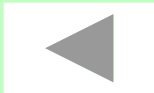
Огромные мобилизационные армии 20-го века создали небывалую ситуацию. Солдатам вермахта в Северной Африке, англичанам в Бирме, киргизам в "белоснежных полях под Москвой" предстояло воевать за многие тысячи километров от родного дома; идея о том, что они защищают своих женщин и детей, стала совершенно умозрительной. О высокой "природной агрессивности" мобилизованных крестьян и конторских клерков говорить не приходится; скорее наоборот - "доминантные альфа-самцы" заняли в мирное время такие позиции (высококвалифицированные рабочие и инженеры, ученые в военных секторах прикладных наук, средний и высший эшелон административных органов, ведущие специалисты масс-медиа), с которых в армию не призывали. Грабить в большинстве случаев было нечего и некого - что можно было взять с разорванного снарядом трупа солдата противника? Какие "дорогие доспехи"? Если убитый и был при жизни богат, то свои сбережения он хранил в виде банковского вклада, а не золотой цепи на шее.

Оставшимся в живых предстояло вернуться к прежнему (чаще всего - тяжелому и непривлекательному) труду; "деревенька с крестьянами" никого не ждала. Лучший летчик-истребитель ВВС Финляндии, а также самый результативный ас всех стран-участников 2МВ (за исключением Германии) Эйно Юутилайнен (437 боевых вылетов, 94 сбитых самолета противника) вышел в отставку в более чем скромном звании прапорщика и зарабатывал на жизнь, катая на легкомоторном самолете зевак на сельских ярмарках. 300 лет назад что либо подобное невозможно было даже представить - и не только потому, что в те времена на ярмарках не катали на самолетах...

1.9. Возможна ли объективная оценка боевого духа (мотивации) армии? Что может служить критерием?

Танки можно пересчитать, толщину брони - измерить, реальную бронепробиваемость противотанковых снарядов проверить на полигоне. А можно ли измерить "боевой дух", оценить в количественных параметрах наличие/отсутствие мотивации - или любое обсуждение этих вопросов неизбежно должно свестись к жонглированию "удобными" цитатами из воспоминаний участников войны?

Да, можно, хотя, конечно же, измерить "боевой дух" гораздо сложнее, нежели пересчитать число дивизий, пушек и эшелонов с боеприпасами. Задача исследования М.Солонина как раз и заключалась в поиске критериев, позволяющих объективно (количественно) оценить такую субъективную категорию, как "человеческий фактор".

Весьма распространенным в советской историографии "аргументом" в пользу тезиса о "небывалом в истории массовом героизме", проявленном Красной Армией с первых же дней войны, служили тщательно подобранные фрагменты из оперативных документов вермахта или воспоминаний немецких солдат и офицеров (*"яростное сопротивление противника, "русские сражаются до последнего патрона"* и т.п.). Как минимум три причины делают использование подобных эмоциональных оценок неуместным в научном исследовании.

Во-первых, каждому специалисту должно быть известно, что при внимательном чтении документов и мемуаров можно найти любое количество любых примеров "в нужную сторону". Историческая истина не определяется при помощи пересчета числа "удобных" примеров.

Во-вторых, каждый офицер (и командиры вермахта не были в этом случае исключением) понимает, что его доклады о силе сопротивления противника служат для вышестоящего командования исходной информацией, на основании которой принимаются решения о выделении дополнительных подкреплений и боеприпасов, об увеличении (или напротив - сокращении) полосы наступления, темпа продвижения и т.д.

Этот, вполне очевидный "человеческий фактор" приводит к неизбежному смещению акцентов - ни один командир не заинтересован в том, чтобы написать в оперативной сводке: "Противник бежит, не оказывая ни малейшего сопротивления".

Третий и самый главный довод заключается в том, что воспоминания - в отличие от научного исследования - это рассказ человека о пережитом, о том, что он видел своими глазами и делал своими руками. Если из 10 гарнизонов (цифра вполне условная) ДОТов Брестского укрепрайона 9 бежали в панике в первые же часы войны, а один сражался до 27 июня, то немецкие солдаты и офицеры в своих воспоминаниях неизбежно напишут об "ожесточенном сопротивлении русских". И это чистая правда: они видели тех, кто сражался, и трупы своих товарищей на подступах к ДОТу. Вот об этом уцелевшие и расскажут в своих мемуарах. Тех, кто убежал, они не видели и не могли видеть - их увидели, пересчитали, согнали в колонну и сдали на сборном пункте совсем другие солдаты, из других частей, возможно - в другой, эсэсовской, форме. Брошенный же ДОТ - если он был правильным образом размещен на местности и замаскирован - немецкие солдаты могли не заметить вовсе. Вот почему "окопная правда" лишь дополняет, но никак не заменяет документально-обоснованное научное исследование.

1.10 Основные критерии оценки

Информационный прорыв, рассекречивание многих архивных фондов, произошедшее в начале 90-х годов, сделали возможным предметное изучение [структуры потерь личного состава](#) Красной Армии (соотношение числа убитых, раненых, пропавших без вести, плененных). Это первый и очень информативный показатель: в "нормальной", т.е. воюющей (а не разбегающейся) армии пропавшие без вести, пленные и дезертиры составляют единицы процентов от общего числа потерь. Летом же 41-го на ряде фронтов число "пропавших без вести" на порядок превосходило число убитых!

Рассекречивание большого массива документов (включая архивы НКВД и трофейные документы вермахта) сделало возможным прямую оценку [числа дезертиров и плененных](#).

Ошеломляющий результат этих расчетов таков: общее число дезертиров и плененных 41-го года почти вдвое больше исходной численности действующей фронтов Красной Армии.

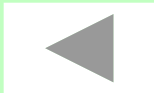
Скрупулезное изучение документов позволило выявить [необычайно высокий процент небоевых потерь техники](#) (танков, орудий, самолетов). Ничего подобного не обнаруживается при анализе потерь вооружения в 1943-1945 г.г. Такого "падежа танков", который произошел летом 1941 года, не наблюдалось никогда - ни до, ни после. Единственным рациональным объяснением этого явления может быть гипотеза о том, что огромное количество боевой техники было брошены личным составом при паническом отступлении

В 1993 г. группой военных историков российского Генштаба под руководством генерал-полковника Г.Ф.Кривошеева был выпущен статистический сборник "Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР". На страницах 234 -246 этого сборника приведены данные о структуре потерь действующих фронтов Красной Армии в 1941 году. Пересчитав приведенные данные в проценты от общего числа потерь каждого фронта, получаем следующую таблицу:

	Убитые	Санитарные потери	Пропало без вести, небоевые и прочие
Северный фронт	151	424	426
Северо-Западный фронт	117	325	558
Западный фронт	82	263	654
Юго-Западный фронт	71	157	772
Южный фронт	104	236	660
Центральный фронт	64	224	712
Брянский фронт	72	215	713

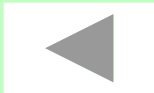
Как видно из таблицы, за исключением далекого северного фланга войны (Северный фронт) число пропавших без вести в 5-11 раз превосходит число убитых. Такого не может быть в организованной, воюющей (а не разбегающейся) армии. Ситуация на Северном фронте вполне подходит под определение "исключения, подтверждающего правило". Ни условия местности, не вооружение нищей финской армии не позволяли ей провести крупные операции по окружению противника. Боевые действия имели характер медленного "выталкивания" частей Красной Армии за линию границы 1939 года. Но и при этом "выталкивании" число пропавших без вести почти втрое превысило число убитых.

На стр. 152 сборника "Гриф секретности снят" приведена таблица суммарных безвозвратных (убитые + пропавшие без вести) и санитарных (раненые и заболевшие) потерь личного состава Действующей армии с разбивкой по кварталам каждого года войны. С первого квартала 1943 г. и далее до мая 1945 г. санитарные потери составляют 76-79 % от общего числа потерь. Эти цифры отражают "нормальное", подтвержденное всей практикой военных конфликтов 20-го века соотношение числа убитых и раненых, как 1 к 3. На одного убитого приходится трое раненых (или, другими словами, санитарные потери составляют в среднем 75% от общих).

Совершенно другая ситуация наблюдается в 1941 году. В третьем квартале (т.е. за первые три месяца войны) доля санитарных потерь составила всего лишь 25 %. Другими словами, соотношение безвозвратных и санитарных потерь оказалось не 1 к 3, а 3 к 1. Мрачное "чудо" имеет вполне рациональное объяснение: безвозвратные потери 41-го года состояли главным образом из пленнх и дезертиров, число которых в 7-8 раз превышало число убитых на поле боя.

Есть серьезные основания предположить, что реальные цифры потерь еще страшнее и позорнее. Дело в том, что использованный в качестве источника приведенной выше информации сборник "Гриф секретности снят" явно занижает общее число пропавших без вести (и как следствие - совокупные безвозвратные потери) 1941 года. Число пропавших без вести указано составителями в размере 2.335 тыс., в то время как по сводкам Верховного командования вермахта число одних только пленнх (без учета дезертиров, численность которых немцы знать не могли) составило 3.886 тысяч. Схожая цифра - 3,6 млн. пленнх, называется и в переписке Кейтеля и Розенберга, переписке секретной и для целей пропаганды отнюдь не предназначавшейся.

Дезертиры. В 1941 г. органами НКВД было задержано 710.755 дезертиров и 71.541 "уклонившийся от мобилизации"; всего 782.296 человек. Кроме того, до 1 апреля 1942 г. было задержаны 636.477 "военнослужащих, отставших и потерявших свои части". Всего же с начала войны по 30 июня 1944 г. задержано 1.210.224 дезертира и 456.667 "уклонившихся" (данные из доклада начальника Отдела по борьбе с бандитизмом НКВД СССР А.М. Леонтьева от 30 августа 1944 г.).

Несмотря на формальную точность (вплоть до одного человека) эти отчеты, разумеется, не дают полной картины произошедшего. Огромное количество дезертиров осталось на оккупированной противником территории, где органы НКВД не могли их ни задержать, ни учесть. Некоторое представление об их количестве может дать цифра "призванных повторно". Этим странным термином обозначены в советских документах бойцы и командиры Красной Армии, которые по разным причинам "потеряли" свою воинскую часть и остались на оккупированной немцами территории, а в 43-44 г.г. были повторно поставлены под ружье. Таковых набралось (по данным сборника "Гриф секретности снят") 940 тыс. человек. При этом не следует забывать и о том, что исходное число "потерявшихся" было значительно больше - часть дезертиров поступила на службу к оккупантам, часть ушла на Запад вместе с отступающей немецкой армией. В целом можно предположить, что в 1941 г. из Красной Армии в том или ином виде дезертировало порядка 1 - 1,5 млн. человек.

Пленные. По оценкам немецких историков, общее число советских военнопленных составляет не менее 5,2 млн. человек. Это наиболее осторожные оценки (ряд авторов поднимают цифры до уровня 5,7 - 5,8 млн.). Судя по трофейным документам, в 1941 г. в плен было взято порядка 3,8 млн. человек. Однако эта цифра может быть принята лишь как ориентировочная оценка. Должный порядок с учетом военнопленных был налажен лишь к середине 1942 г. До этого момента имели места как массовое освобождение военнопленных ряда национальностей (осенью 1941 года было освобождено 319 тыс. украинцев и прибалтов), так и несравненно более массовая гибель военнопленных во временных лагерях на оккупированных территориях СССР (считается, что в первую военную зиму от голода, эпидемий и холода погибло порядка 1,5-2,0 млн. пленных).

Таким образом, совокупная численность пленных и дезертиров 41-го года составляет порядка 5 млн. человек, что почти вдвое превосходит исходную численностью войск западных приграничных округов (порядка 2,8 млн. человек)

Иллюстрация :

[- Немецкая листовка](#)

[- Немецкая листовка-2](#)

Рис. 11. Немецкие солдаты позируют на фоне брошенной техники Красной Армии. На переднем плане танк Т-26, за ним - гусеничный артиллерийский тягач.

Рис. 12. Немецкая листовка.

Бойцы! Командиры!

Сталин и его приспешники, в интересах интернационального капитала и евреев, гонят вас на верную смерть. Гонят в то время, как в освобожденных от большевиков областях строится новая жизнь без каторжных колхозов, без капиталистов, без помещиков, без потогонной стахановщины и социалистических соревнований!

Решайтесь:
Хотите вы умереть или жить?
У нас вы будете жить!

Dieser Passierschein gilt für Offiziere und Mannschaften der Sowjetarmee.

С пленными мы обращаемся хорошо. С перешедшими добровольно на нашу сторону, по новому приказу Гитлера, — обращение еще лучше: они получают особое удостоверение, обеспечивающее им лучшее питание и ряд других льгот. Желающих работать, мы устраиваем на работу по специальности.

ПРОПУСК

Этот пропуск действителен для неограниченного числа бойцов и командиров Красной Армии. Германское командование не публикует списков военнопленных. Их имена объявляются только по их личному желанию и только в том случае, если их родственники живут на освобожденной от большевистской территории.

Этот пропуск действителен во время войны

Переходить на сторону Германских войск можно и без пропуска! Достаточно крикнуть «Штанг в Доттанг!»

Рис. 13. Немецкая листовка 2.

Красноармейцы!

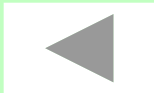
По дороге на фронт и теперь здесь, вы изверное уже заметили, что конец бесчеловечной системы большевистского насилия, уже близок. Как долго вы будете жертвовать своими жизнями только для того, чтобы безумная большевистская система лжи и террора, протержалась-бы еще несколько мгновений? Неужели вы не понимаете, что та цена, которую ваши притеснители заставляют вас платить за это отвратительное дело, чрезмерна и превышает все нормы. У человека только одна жизнь, — как долго думаете жертвовать этой жизнью за обреченное дело.

Красноармейцы и командиры!

Страхните эту наглую и чуждую тиранию с ваших плеч или оставте ее и чуждых, жидовских притеснителей на произвол судьбы. Не давайте истреблять русский народ до полного уничтожения, но освободите его к новой жизни.

Сдавайтесь в плен или проложите путь с оружием в руках к себе домой, чтобы спасти умирающих там с голода ваших матерей, детей и жен.

Действуйте без промедления, ибо только тот спасется, кто сразу-же действует, иначе его уже на следующий день погонят на смерть.

До конца 1941 года Красная Армия потеряла 6.290 тыс. единиц стрелкового оружия.

Самое массовое стрелковое оружие 1941 года - "трехлинейная" винтовка Мосина. Винтовка эта была и осталась непревзойденным образцом надежности и долговечности. Сломаться за полгода в таком количестве винтовки, пистолеты ТТ и ручные пулеметы Дегтярева не могли.

В то же время, приходится констатировать, что огромные потери стрелкового оружия оставались "нормой жизни" Красной Армии вплоть до самого конца войны. Так, за 12 месяцев 1944 года было потеряно 2,81 млн. единиц. Принимая во внимание, что среднемесячная численность Действующей армии в 1944 г. вдвое превосходила соответствующий показатель 1941 г. (6,4 млн. против 3,0 млн.), мы приходим к выводу, что "нормальной" (для в целом ненормального отношения к утере оружия) была бы потеря 700 тыс. единиц за шесть месяцев 1941 г. Другими словами, налицо "сверхнормативная" утрата в 1941 г. более 5,6 миллионов единиц стрелкового оружия. Сравнивая эту цифру с числом пленных и дезертиров 1941 года, мы обнаруживаем несомненную корреляцию значений.

Столь же "выразительной" является и динамика потерь орудий полевой артиллерии. За весь 1943 год потеряно 5.700 орудий (9,7 % от общего ресурса), а за шесть месяцев 1941 года - 24.400 (56 % ресурса). Среднемесячные потери 1941 года оказались в 8,5 раз больше, чем в 1943 году.

За шесть месяцев 1941 г. потеряно 12.100 противотанковых пушек (70% ресурса).

А за весь 1943 год - за все его 12 месяцев - потеряно 5.500 противотанковых пушек, что составило лишь 14,6 % от общего ресурса. Это очень странно, принимая во внимание тот факт, что в 1941 году два из трех немецких танков на Восточном фронте были легкими машинами с противопульным бронированием, а в 1943 году немцы начали массовое производства тяжелых танков "Тигр" и "Пантера", против которых наши "сорокапятки" (а именно они все еще составляли 95 % от общего ресурса 1943 года) были совершенно беспомощны.

Теоретически, самым надежным видом огнестрельного оружия является миномет. Труба - она и есть труба, ломаться там почти нечему: нет затвора, нет откатника, сама "труба" (в отличие от ствола артиллерийского орудия) нагружена на порядок меньшим давлением пороховых газов. И тем не менее, во втором полугодии 1941 г. потери 50-мм минометов составили 64 % от общего ресурса, 82-мм минометов - 60% ресурса, 120-мм минометов - 51 % ресурса. В точности такие же минометы в 1943 году ломаться почти перестали: за 12 месяцев потеряно, соответственно, 12,5 %, 9,2 %, 8,6 % общего ресурса минометов калибра 50, 82 и 120 мм. Как это ни странно, но в 1941 г. процент потерь минометов вдвое превысил соответствующий показатель для автомобилей.

Летом 41-го (а точнее говоря - за первые 5-10 дней войны) механизированные корпуса Красной Армии потеряли большую часть (от 80 до 100%) своих танков, причем не менее двух третей всех потерь составили потери, не связанные с воздействием противника ("отстал на марше", "завяз в болоте", "оставлен из-за неисправности ходовой части", "сгорел фрикцион" и т.п.). И это при том, что накануне войны "годными к использованию по прямому назначению" (1-я и 2-я категория) считалось 82,5 % танкового парка западных военных округов.

В 1941 году в документах штабов советских ВВС появился такой дико звучащий в военном лексиконе термин, как "неучтенная убыль". По этой графе "убыли" не единицы, не сотни, а многие тысячи (!) боевых самолетов.

Во втором полугодии 1941 г. было потеряно (в процентах от общего ресурса) 61 % минометов, 73 % танков и всего лишь 33 % автомобилей. Очень странные цифры - учитывая, что самым массовым типом автомобиля в Красной Армии был примитивный "газик" ГАЗ-АА (бывший американский Форд, дешевый, "бюджетный" грузовичок начала 20-х годов). Сравнение с потерями противника заставляет сразу же отбросить гипотезу о некой "особой боевой живучести" автомобилей: в целом за второе полугодие 1941 г. в вермахте на один потерянный танк приходился 41 потерянный автомобиль. В Красной Армии соответствующий показатель оказался в пять раз ниже - 1 к 8.

Последняя цифра, увы, является примером "лукавой статистики". Большая часть танков Красной Армии была потеряна в первые же недели войны, поэтому сравнение с потерями автомобилей за шесть месяцев является совершенно некорректной. Если же проанализировать известные цифры потерь мехкорпусов Красной Армии за первые три недели войны - пока танки еще были в наличии, то окажется, что число потерянных танков примерно равно или даже превосходит (!!!) количество потерянных автомашин.

Так, 10-я танковая дивизия (Юго-Западный фронт) к середине июля потеряла 340 танков и 293 автомобиля. 32-я танковая дивизия (одна из немногих, бывшая почти полностью укомплектованной танками "новых типов") потеряла 269 танков и всего 133 автомобиля. Дольше всех просуществовал 2-й мехкорпус (Южный фронт). По состоянию на 1 августа 1941 г. в корпусе числилось 136 танков (26 % от первоначальной численности) и 3294 автомобиля (87% от первоначальной численности).

История разгрома мехкорпусов Киевского ОВО (Юго-Западного фронта) достаточно подробно документирована. Приведем несколько характерных примеров (подробно этот вопрос рассмотрен в книге М.Солонина "22 июня. Анатомия катастрофы").

Так, в 10-й танковой дивизии (одной из лучших по укомплектованности и подготовке личного состава во всей Красной Армии) числилось 363 танка, из числа которых по состоянию на 22 июня 1941 г. исправными считались 318 машин (в том числе 63 КВ и 37 Т-34). Через пять дней в строю осталось всего... 39 танков. Судя по отчету командира дивизии, к 6-8 июля в дивизии не осталось ни одного танка, при этом по меньшей мере 193 танка (в том числе 41 КВ и 13 Т-34) были потеряны без воздействия противника.

В 37-й танковой дивизии того же 15-го мехкорпуса из исходного числа 316 танков к началу июля в строю осталось 14 единиц. 26 танков (возможно, неисправных) было оставлено в месте предвоенной дислокации дивизии (г. Кременец), порядка 20 танков было потеряно в единственном бою у местечка Станиславчик. Остальные (т.е. 85% исходной численности) потеряны по неизвестным причинам.

Самым мощным, если судить по количеству танков (в том числе новейших КВ и Т-34) на Юго-Западном фронте был 4-й мехкорпус генерала Власова (да, тот самый). В составе корпуса было две танковые дивизии: 8-я и 32-я.

8-я танковая дивизия к началу войны имела на своем вооружении 325 танков (в том числе 50 КВ и 140 Т-34). К 7 июля в дивизии еще оставалось 32 танка. Потеря 135 танков (в том числе 27 КВ и 51 Т-34) прямо обозначена в отчета словами: *"брошены, пропали без вести, завязли в болотах, прочие"*. Довольно странно смотрится и графа "подбито". Если верить отчету, то из 67 легких танков (Т-26 и БТ-7) подбито всего лишь 8, а из 140 могучих "тридцатьчетверок" - 54, т.е. одна треть...

В 32-й танковой дивизии 4-го мехкорпуса к началу войны числилось 323 танка, в том числе 49 KV и 173 Т-34 (по числу танков "новых типов" - абсолютный чемпион среди всех танковых дивизий Красной Армии). Существует подробный отчет командира дивизии о боевых действиях. Суммирование потерь, понесенных дивизией во время боев с немецкой пехотой в районе к западу от Львова в период с 23 по 29 июня, дает цифру в 34 танка. После этого начался отход за Днепр, в ходе которого дивизия имела отдельные стычки с противником, в которых потеряла (как можно судить по отчету) десятков танков. Однако совокупные потери составили 269 танков, в том числе 37 KV и 146 Т-34.

О том, что большая часть потерь танков 32-й танковой дивизии не была связана с воздействием противника, свидетельствует и соотношение потерь личного состава и потерь боевой техники. Так, согласно докладу командира дивизии, 63-й танковый полк период с 22 июня по 30 июля 1941 г. потерял 17 человек убитыми и 63 ранеными. В то же время было потеряно 145 единиц бронетехники!

К сказанному необходимо добавить, что ни до лета 1941, ни после него, такой массовый "падеж" советских танков никогда не наблюдался. Якобы "ненадежными", "неисправными", "рассыпающимися на ходу" они оказались только в первые недели советско-германской войны. До этого советские танки демонстрировали весьма высокий уровень технической надежности.

Первым эпизодом боевого применения танков БТ была война в Испании. На базе 50 танков БТ-5 был сформирован танковый полк республиканской армии, который в октябре 1937 вышел в район боевых действий на р. Эбро, совершив за двое с половиной суток марш в 630 (шестьсот тридцать!) километров. Самым тяжелым испытанием ходовых возможностей танков БТ стал Халхин-Гол. В конце мая 1939 г. две танковые бригады (6-я и 11-я) в течение нескольких дней совершили 800-км марш по раскаленной монгольской степи (температура воздуха в те дни достигала 40 градусов) и в полном составе вышли в район будущих боевых действий.

Через шесть лет после боев на Халхин-Голе, в августе 1945 г. танки БТ-7 приняли участие в так называемой "Маньчжурской стратегической операции". Танковые бригады прошли тогда 820 км через горный хребет Большой Хинган со средним темпом марша 180 км в день, при этом из общего числа 1019 танков всех типов в ходе операции было потеряно всего 78 единиц (8 процентов).

История танка Т-34, как написано об этом во всех книжках, началась с того, что в марте 1940 г. два первых опытных танка своим ходом прошли 3000 км по маршруту Харьков- Москва - Минск - Киев - Харьков. Прошли в весеннюю распутицу, по проселочным дорогам (двигаться по основным магистралям и даже пользоваться в дневное время мостами было из соображений секретности запрещено). Правда, для серийных танков Т-34 межремонтный пробег Т-34 был установлен не в 3 тыс. км, а "всего лишь" в одну тысячу, но и это во много раз превосходит общую протяженность "метаний" танков 4-го и 15-го мехкорпусов в районе Львова и Радехова.

В январскую стужу 1943 года, в ходе наступательной операции "Дон", советские танковые бригады прошли более 300 км по заснеженной задонской степи и разгромили крупные силы немецкой группы армий "А", прорвавшейся летом 1942 г. к нефтеносным районам Моздока и Грозного. Летом 1944 года, в ходе операции "Багратион" (разгром немецкой группы армий "Центр" в Белоруссии) 5-я Гвардейская Танковая армия, наступавшая по бездорожью, среди лесов и болот, прошла 900-1300 км при среднем темпе наступления до 60 км в день. В мае 1945 г. танки 3-й и 4-й Гвардейских Танковых армий прошли 400 км от Берлина до Праги, прошли по горно-лесистой местности, за пять дней, и при этом - без существенных технических потерь.

Иллюстрации :

[- Брошенные Т-28](#)

[- Т-34 и огнеметный Т-26](#)

[- БТ со свастикой](#)

[- Т-35](#)

Рис. 14. Брошенные тяжелые 3-башенные танки Т-28.

Рис. 15. Лето 41-го. Брошенные танки.
(на переднем плане огнеметный танк ХТ-26 (ОТ-130))

Рис. 16. Трофейные советские танки БТ с немецкими опознавательными знаками.

Рис. 17. Брошенный тяжелый 5-башенный танк Т-35.

Согласно отчета, подписанного начальником Оперативного управления штаба ВВС Красной Армии генерал-лейтенантом Журавлевым, к 1 августа 1941 г. "неучтенная убыль" составила 5.240 самолетов. В августе-сентябре 1941 года из советских ВВС таким же "неучтенным образом" выбыло еще 4.824 самолета, итого - 10.064 боевых машины. Это в четыре раза превышает численность боевых самолетов люфтваффе к началу войны на Восточном фронте.

В дальнейшем, термин "неучтенная убыль" из отчетов исчезает. С другой стороны, нарастает доля самолетов, потерянных по графе "не вернулся с боевого задания". В 1942 году "пропавших без вести" самолетов оказалось значительно больше, чем сбитых в воздушных боях, сбитых зенитками, уничтоженных противником на аэродромах **вместе взятых**. По штурмовикам - втрое больше (77% от общего числа безвозвратных потерь), по истребителям - 72%.

Это очень странные цифры. Штурмовики Ил-2 воевали непосредственно над полем боя, выполняя задачи огневой поддержки наземных войск. Штурмовики могли штурмовать позиции противника только днем и только при хорошей видимости, "слепая штурмовка" была невозможна в принципе. За редкими исключениями, каждый Ил-2 был виден тысячам глаз, место и причина его падения также были видны. Наконец, выяснение конкретных причин потери боевого самолета совершенно необходимо - не для удобства будущих историков, а для совершенствования конструкции, бронезащиты, тактики боевого применения.

Не менее удивительны и пропорции потерь истребителей. Половина (47,4%, если быть точным) всех самолетовылетов советских истребителей - это прикрытие наземных войск и тыловых объектов, т.е. то, что происходило на глазах у десятков тысяч людей. 37% от общего числа вылетов истребителей - сопровождение своих ударных самолетов, т.е. тех же самых Пе-2 и Ил-2, "работавших" по переднему краю. Единственная ситуация, при которой пара (звено) истребителей могло бесследно пропасть, это "свободная охота" в оперативном тылу противника. На этот вид боевой деятельности советские истребители израсходовали всего 2,7% от общего числа вылетов - примерно такой и должна быть доля "не вернувшихся с боевого задания" истребителей в общем числе потерь. Фактически же она оказалась в 10-20 раз больше

Самым убедительным аргументом в пользу того, что огромная доля "пропавших без вести" самолетов вовсе не является непреложным законом войны, является временная динамика изменения этого параметра. Если в 1942 г. "не вернувшиеся с задания" самолеты составили 70% от общего числа боевых потерь, то в 1944 г. эта цифра снижается до 25%, в 1945 г. - до 23%.

1.11 Дополнительные критерии оценки морального состояния общества и армии

Указанными выше показателями отнюдь не исчерпывается перечень критериев, позволяющих дать объективную оценку морально-политического состояния советского общества и его Вооруженных Сил. Очевидным проявлением отсутствия мотивации может служить [массовое уклонение от мобилизации](#), имевшее место летом 1941 года.

Косвенным, но при этом достаточно показательным критерием может служить сам [необычайно высокий темп наступления вермахта](#), скорость, с которой немецкая армия форсировала полноводные реки и "взломала" две линии долговременных укреплений.

Еще одним свидетельством низкого боевого духа Красной Армии может служить продолжительность боев в окружении - если окруженные соединения вермахта сопротивлялись в [Демянском и Сталинградском "котлах"](#) в течение нескольких месяцев, то окруженные советские армии (Минск, Умань, Киев, Вязьма, Брянск, Керчь, Харьков) неизменно прекращали организованное сопротивление в течение нескольких дней.

Несомненным свидетельством морального разложения советского общества стало [массовое сотрудничество с оккупантами](#), участие (во многих случаях - вполне добровольное) десятков тысяч бывших военнослужащих Красной Армии в карательных акциях против мирного населения и советских партизан.

Заслуживает внимания и дальнейшего изучения низкая активность действий советских ВВС и особенно - ВМФ (не эффективность и результативность - они могли зависеть от множества субъективных и объективных причин, а именно низкая активность, приобретающая в ряде случаев отчетливый характер скрытого дезертирства).

Всего за время войны на захваченной противником территории было оставлено 5.631 тыс. человек призывного контингента. В частности, на территории Киевского ОВО эти потери составили 1.625 тыс., в Одесском округе - 813 тыс. человек.

Разумеется, нельзя ставить знак равенства между "потерей мобконтингента" и преднамеренным уклонением от призыва. Прежде всего, из указанной выше цифры (5.631 тыс.) следует вычесть 513 тыс. человек. Это юноши, которые достигли призывного возраста в то время, когда место их проживания было уже оккупировано, и военкомата уже (давно) не было. Кроме того, стремительное наступление вермахта привело к тому, что к моменту принятия Постановления ГКО № 459 от 11 августа (о призыве военнообязанных старших возрастов, 1895 - 1904 г.р.) значительная часть территории Европейской части СССР была уже занята врагом.

С другой стороны, преувеличивать значение быстрого продвижения вермахта, и уж тем более - объявлять это главной причиной многомиллионных потерь призывного контингента, не стоит. География с арифметикой в этом вопросе предельно простая.

Киевский округ - это не только Западная Украина, но и большая часть Правобережной Украины, и часть левобережья в пределах Киевской области. Одесский округ - это не только Одесская область, но и Николаевская, Херсонская, Днепропетровская, Запорожская области Украины, Молдавия и Крым. Оккупация всех этих огромных пространств была завершена только поздней осенью 1941 года. И если нескольких месяцев не хватило для сбора призывников, на который по мобилизационному плану отводились считанные дни, то использование термина "уклонение от призыва" становится вполне уместным.

Не стоит забывать и о том, что далеко не все прибывшие в военкомат оказались затем в рядах армии. Так, даже в восточной, в значительной степени русифицированной Украине (современная Харьковская область) это "далеко не все" выразилось в следующих цифрах: на конец октября 1941 г. процент дезертиров из числа новобранцев составлял от 30 до 45 % (по разным районам области). И это - восточная Украина. На "освобожденной" в сентябре 39 года западной Украине мобилизация была практически полностью сорвана.

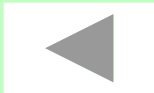

В январе 1941 г. Генеральный штаб Красной Армии провел с высшим комсоставом две оперативно-стратегические игры, в ходе которых отрабатывался стратегический план будущей войны. По условиям игры перед "западными" (т. е. немецкими войсками) была поставлена задача (выполнить ее, кстати, не удалось, хотя за немцев "играл" сам Жуков) в течение месяца после начала наступления выйти на линию Рига, Двинск (Даугавпилс), Минск, Лунинец. Фактически, в июне 41-го немцы заняли указанные выше пункты в течение первой недели войны.

Темп наступления вермахта в западных областях Белоруссии был выше, чем темп марша Красной Армии в ходе так называемого "освободительного похода" в сентябре 1939 г. При этом надо отметить, что местность в полосе наступления Группы Армий "Центр" была абсолютно "противотанковая". С севера "белостокский выступ" прикрывала полоса непроходимых болот в пойме лесной реки Бебжа, на юге граница была проведена по берегу судоходной реки Западный Буг в его нижнем течении.

Немногочисленные дороги среди вековых лесов и топких болот западной Белоруссии представляют собой некое подобие горных ущелий - застрявшую (или подбитую) головную машину колонны невозможно ни объехать, ни обойти. Стоит сравнить события июня 41-го с хронологией самой блистательной (и по замыслу, и по реализации) стратегической наступательной операции Красной Армии - операции "Багратион". Наступление началось 23 июня 1944 г. примерно от рубежа р. Днепр. 3 июля был освобожден Минск, через 13 дней - Гродно, и лишь через 50 дней после начала операции - Белосток и Брест.

Летом 41-го препятствия, созданные самой природой, дополнялись и многократно усиливались препятствиями рукотворными. На глубине в 200-300 км от границы (за линией "старой" границы 1939 года) сплошной полосой от Финского залива до Черного моря протянулись 20 укрепрайонов "линии Сталина". Количество ДОТов в составе одного УРа составляло от 206 до 455, что обеспечивало плотность в 2-3 ДОТа на 1 км фронта. Часть укрепрайонов была построена на берегах полноводных рек (Западная Двина, Южный Буг, Днестр), что создавало дополнительную преграду для наступающего противника. По количеству и составу вооружения, по качеству железобетона, по оснащению специальным оборудованием любой из этих укрепрайонов по меньшей мере не уступал пресловутой "линии Маннергейма".

Летом 1940 года вдоль новой западной границы Советского Союза началось строительство 15-ти укрепрайонов "линии Молотова". Грандиозная программа предполагала сооружение 5.807 ДОТов (на "линии Сталина" их было "всего лишь" 3.279).

К 22 июня 1941 г. эта "стройка века" была еще весьма далека от завершения, и тем не менее, в западной Белоруссии уже было построено более 350 ДОТов, на западной Украине - порядка 375.

В феврале 1940 г. прорыв "линии Маннергейма" (166 ДОТов на фронте в 90 км) занял по самой минимальной оценке 20 дней. При этом Красная Армия (не считая "обычной" дивизионной и корпусной артиллерии) сосредоточила на Карельском перешейке

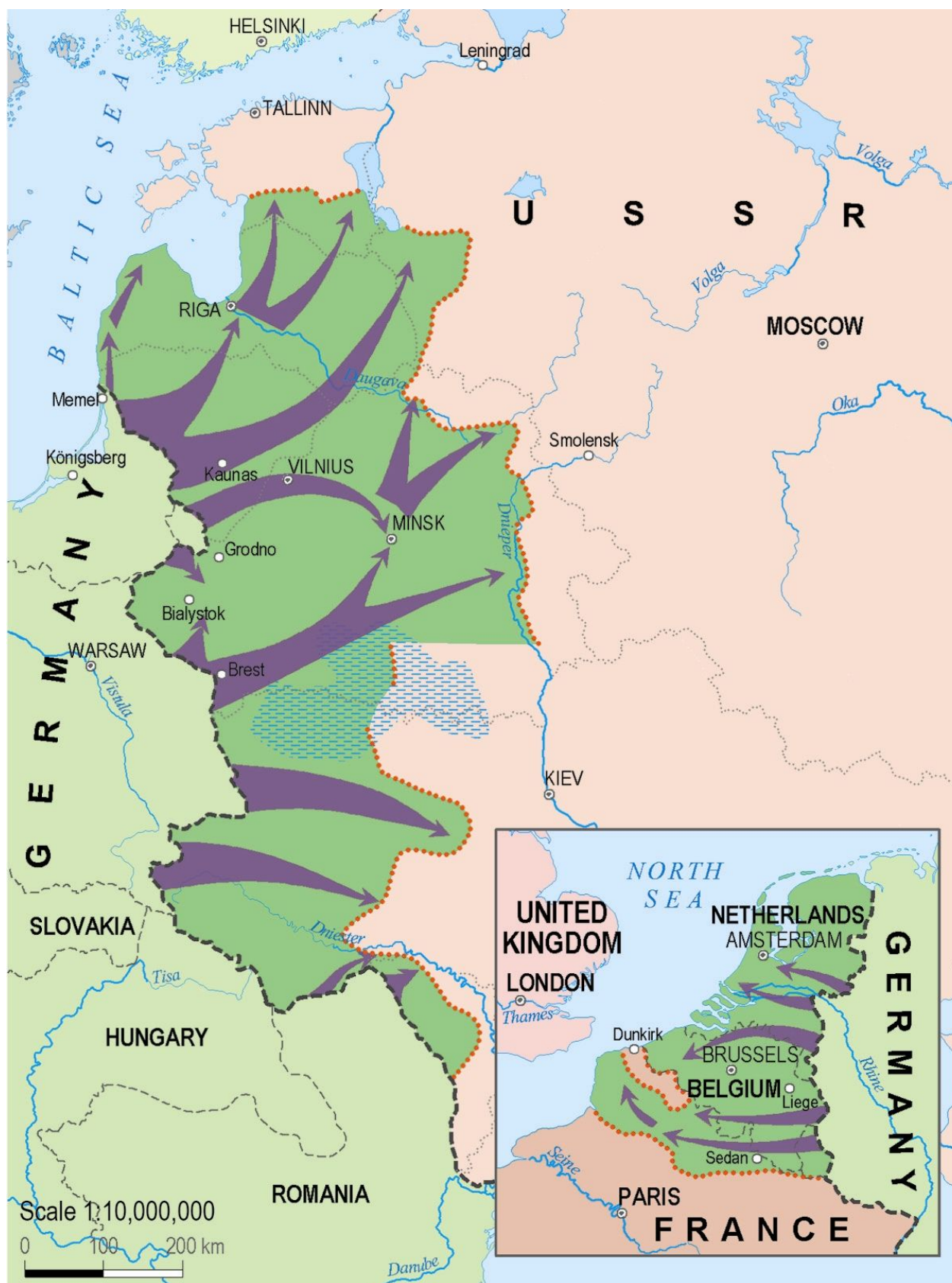
96 гаубиц калибра 203-мм и 28 сверхтяжелых 280-мм мортир, бросающих снаряд весом в 286 кг. Советская авиация в ходе 19,5 тыс. самолето-вылетов сбросила на ДОТы "линии Маннергейма" в общей сложности 10,5 килотонн (!) бомб, артиллерия обрушивала на финские укрепления до 230 тыс. снарядов в день.

В июне-июле 1941 г. немцы прошли через большую часть советских укрепрайонов, даже не заметив опустевшие при паническом отступлении бетонные коробки. Через другие - прорывались с боями. Как правило, сражения эти продолжались не более двух-трех дней, при этом концентрация артиллерии, расход огневых средств и потери живой силы немцев были абсолютно несопоставимы с потерями Красной Армии на Карельском перешейке.

Иллюстрация :

[Карта 7 Линия продвижения немецких войск за первые 20 дней боевых действий](#)

Карта 7. Линия продвижения немецких войск за первые 20 дней боевых действий на Западном фронте (май 1940 г.) и на Восточном фронте (июнь-июль 1941 г.)

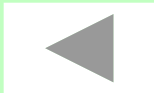

В начале февраля 1942 г. в ходе зимнего наступления Красной Армии в районе

г. Демянск (Новгородская обл.) было окружено шесть дивизий вермахта. Вскоре разрыв между окруженными и отступающим немецким фронтом превысил 100 км. В обстановке полного окружения немцы продолжали сопротивление без малого три месяца. Снабжение окруженных было налажено "воздушным мостом", которым, в частности, было вывезено 22 тыс. раненых и доставлено 15,5 тыс. человек пополнения. В конце апреля в результате контрудара немецких войск с окруженной группировкой была восстановлена сухопутная связь.

19 ноября 1942 г. началась Сталинградская наступательная операция. 23 ноября в районе г. Калач замкнулось кольцо окружения, в котором оказалась 6-я армия вермахта.

В условиях необычайно холодной зимы немецкие войска продолжала оказывать организованное сопротивление вплоть до конца января 1943 г, сковав тем самым огромные силы (три фронта, 74 дивизии, 34 бригады) Красной Армии. После капитуляции остатков 6-й армии в советский плен было взято порядка 90-100 тыс. немецких военнослужащих (не считая "восточных добровольцев"). Официально признанные потери Красной Армии в Сталинградской наступательной операции составляют 155 тыс. убитых и 331 тыс. раненых.

Сотни тысяч бывших военнослужащих Красной Армии были зачислены в немецкую армию в качестве так называемых "добровольных помощников" ("хиви"). Первоначально "хиви" служили водителями, кладовщиками, санитарями, саперами; затем, по мере роста потерь вермахта, русских "добровольцев" стали вооружать. В апреле 1942 г. в германской армии числилось 200 тысяч, а в июле 1943 г. - 600 тысяч "хиви". С октября 1943 г. "хиви" были включены в стандартный штат немецкой пехотной дивизии в количестве 2 тыс. человек на дивизию. Кроме того, создавались и отдельные части, практически полностью укомплектованные "восточными добровольцами"; в частности, было сформировано 90 "восточных батальонов", куда направляли военнопленных из числа представителей мусульманских народов СССР.

Весьма многочисленными были казачьи части. К весне 1943 г. в составе вермахта воевало более 20 казачьих полков, позднее на их базе был развернут 15-й казачий корпус СС численностью в 25 тыс. человек. В конце концов масштабы этого беспрецедентного в истории России сотрудничества с оккупантами стали столь велики, что верховным командованием вермахта был назначен специальный "генерал-инспектор восточных войск". В феврале 1943 г. под началом генерала Кёстринга в рядах вермахта, боевых частей СС и войск ПВО служило порядка 750 тысяч советских граждан, главным образом бывших военнослужащих Красной Армии, от рядовых до [генералов](#).

Не менее 200 тыс. человек с оружием в руках несли службу в составе "вспомогательной полиции", "охранных батальонов" и прочих воинских формирований, созданных оккупантами для борьбы с [партизанами](#). Самым крупным из них была т.н. "Русская Освободительная народная армия", возникшая на Брянщине, численностью до 10 тыс. человек, с танками и бронемашинами. После отступления вместе с немцами в Белоруссию РОНА была преобразована в 29-ю дивизию СС, а ее командир Б.Каминский произведен в звание бригадефюрера СС.

Еще одним показателем масштабов массового сотрудничества с фашистскими захватчиками может служить тот факт, что после окончания войны было осуждено 145 тыс. человек, служивших в "полицаях" и "хиви" - и это не считая тех, кто был убит в боях с Красной Армией и партизанами; не считая тех, кто смог уйти на запад с немцами.

История партизанской войны 41-44 г.г. по сей день остается огромным "темным пятном" в отечественной историографии. Лишь в последние 5-10 лет стали появляться серьезные, основанные на подлинных документах, исследования на эту тему. В первом приближении картина событий была следующей:

В первый год войны так называемые "партизанские отряды" представляли собой диверсионные группы, сформированные из оперативных сотрудников НКВД, милиции, военной разведки. Участие местных жителей в действиях этих "партизан" было минимальным или просто нулевым. Отсутствие поддержки со стороны местного населения, активные и крайне жестокие действия созданной немцами полиции привели к почти полному уничтожению "партизан". Так, на Украине из сформированных НКВД УССР в период с августа 1941 г. по март 1942 г. 1874 партизанских отрядов численностью 29 307 человек к маю 1942 г. поддерживали связь с "большой землей" лишь 37 отрядов с 1918 участниками.

Аналогичная ситуация сложилась и в других оккупированных немцами регионах СССР - первую военную зиму смогли пережить не более 3-7% от общего числа диверсионных групп и отрядов. К середине 1942 г. численность партизан на всей оккупированной территории СССР составляла порядка 65 тыс. человек, т.е. была во много раз меньше числа вооруженных пособников оккупантов.

Подлинно массовый характер партизанская война приобрела лишь в 1943 - 1944 годах. Судя по отчету Центрального штаба партизанского движения, по состоянию на

1 июня 1943 года на связи у штабов партизанского движения был 1061 отряд общей численностью в 142 тыс. бойцов. В январе 1944 г. численность партизан в одной только Белоруссии достигла 122 тыс. человек; всего же к весне 1944 г. в тылу врага сражалось более 200 тыс. человек.

Значительно возросла и результативность боевых действий партизан. За один только сентябрь 1943 г. было произведено 1900 нападений на железные дороги (в среднем более 60 в сутки!), что вдвое превысило суммарный показатель первой половины 1942 г. В целом, как следует из трофейных документов вермахта, 83% от общего числа эшелонов, потерпевших крушение в результате диверсий на железных дорогах, были атакованы в 1943 -1944 г.г.

За шесть месяцев 1941 г. в плену оказалось 63 генерала Красной Армии. А всего за время войны - 79 генералов (не включая в этот перечень генералов А.Б. Шистера, М.О. Петрова, Ф.Д. Рубцова, И.А. Ласкина, Ф.А. Семеновского, которые находились в плену всего несколько часов или дней).

Разумеется, плен плену рознь. Многие генералы (Лукин, Карбышев, Ткаченко, Шепетов, Антюфеев, Любовцев, Мельников и другие, всего порядка двадцати человек) были захвачены противником ранеными, в бессознательном состоянии. Многие из тех, кто оказался в плену, в дальнейшем отвергли попытки врага склонить их к сотрудничеству и были расстреляны или замучены гитлеровцами. Так погибли генералы Алавердов, Ершаков, Карбышев, Макаров, Никитин, Новиков, Пресняков, Романов, Сотенский, Старостин, Ткаченко, Тхор, Шепетов. Несколько человек (генералы Алексеев, Огурцов, Сысоев, Цирульников) бежали из плена, перешли линию фронта или примкнули к партизанским отрядам.

Все это - правда. Другая сторона правды заключается в том, что большинство плененных генералов забыли о том, для чего им было выдано личное оружие. Добровольно сдавшись в плен врагу, они погубили тем самым десятки тысячи своих солдат. Для многих сдача в плен стала лишь первым шагом на длинном пути предательства. После окончания войны за добровольную сдачу в плен и сотрудничество с противником было расстреляно (или повешено) двадцать три бывших генерала Красной Армии. Среди них были и командиры весьма высокого ранга:

- начальник оперативного отдела штаба Северо-Западного фронта Трухин
- командующий 2-й Ударной армии Власов
- начальник штаба 19-й Армии Малышкин
- член Военного совета 32-й армии Жиленков
- командир 4-го стрелкового корпуса (Западный фронт) Егоров
- командир 21-го стрелкового корпуса (Западный фронт) Закутный
- командир 27-го стрелкового корпуса (Юго-Западный фронт) Артеменко

Десять человек из числа казненных генералов были в конце 50-х посмертно реабилитированы. Отмечая это обстоятельство, не следует забывать и о том, что реабилитации 50-х годов проводились по тем же самым правилам, что и репрессии 30-х. Списком, безо всякого объективного разбирательства, по прямому указанию "директивных органов"... Весьма показательной, как для оценки порядка расследования дел пленных генералов, так и для понимания умонастроений высшего командного состава Красной Армии образца 1941 года, может служить судьба генерал-лейтенанта М.Ф. Лукина.

Выдающийся полководец, герой сражений у Шепетовки, Смоленска и Вязьмы, он был захвачен в плен после тяжелого ранения (в немецком госпитале ему ампутировали ногу). В ходе послевоенной спецпроверки существенных фактов сотрудничества с немцами выявлено не было. В дальнейшем, усилиями коммунистических пропагандистов, генерал Лукин медленно, но верно, стал превращаться в плакатный образец несгибаемого героя, который, оказавшись в немецком плену, "с презрением отверг все посулы и угрозы врага". Лукин был награжден орденом Ленина (1946 г.), двумя орденами Красного Знамени (1946, 1947 г.г.), орденом Красной Звезды (1967 г.). Наконец, в 1993 г. генералу Лукину было посмертно присвоено звание Героя России.

К этому времени был переведен на русский язык и опубликован протокол допроса от 14 декабря 1941 г., в ходе которого будущий обладатель ордена Ленина вел с немцами такие беседы :

"...Коммунисты пообещали крестьянам землю, а рабочим - фабрики и заводы, поэтому народ поддержал их. Конечно, это было ужасной ошибкой, поскольку сегодня крестьянин, по сравнению с прошлым, не имеет вообще ничего, а средняя зарплата рабочего 300-500 рублей в месяц, на которую он ничего не может купить. Когда нечего есть и существует постоянный страх перед системой, то, конечно, русские были бы очень благодарны за ее разрушение и избавление от сталинского режима...."

Если будет все-таки создано альтернативное русское правительство, многие россияне задумаются о следующем: во-первых, появится антисталинское правительство, которое будет выступать за Россию; во-вторых, они смогут поверить в то, что немцы действительно воюют только против большевистской системы, а не против России, и

в-третьих, они увидят, что на вашей стороне тоже есть россияне, которые выступают не против России, а за Россию. Такое правительство может стать новой надеждой для народа...

Если Буденный и Тимошенко возглавят восстание, то тогда, возможно, много крови и не прольется. Но и они должны быть уверены в том, что будет Россия и российское правительство... Новая Россия не обязательно должна быть такая, как старая. Она может даже быть без Украины, Белоруссии и Прибалтики, будучи в хороших отношениях с Германией..."

1.12. Оценка ситуации советским руководством и командованием Красной Армии. Мнение современников и участников событий.

Утверждение о низком боевом духе Красной Армии образца 1941 года нередко воспринимается современными читателями как "сенсационное и скандальное". Однако командование Красной Армии, высшее военно-политическое руководство страны очень быстро (к середине июля 41-го) распространилось со всякими иллюзиями и надеждами на "небывалый в истории массовый героизм". Многочисленные [приказы и Директивы Ставки](#) не оставляют ни малейших сомнений на этот счет. Не заблуждались в оценке происходящего в армии и трезвомыслящие [современники тех трагических событий](#).

16 июля 1941 г. Сталин подписал Постановление ГКО № 169, которое начиналось следующими словами:

"Государственный Комитет Обороны устанавливает, что части Красной Армии в боях с германскими захватчиками в большинстве случаев высоко держат великое знамя Советской власти и ведут себя удовлетворительно, а иногда - прямо героически, отстаивая родную землю от фашистских грабителей. Однако наряду с этим Государственный Комитет Обороны должен признать, что отдельные командиры и рядовые бойцы проявляют неустойчивость, паникерство, позорную трусость, бросают оружие и, забывая свой долг перед Родиной, грубо нарушают присягу, превращаются в стадо баранов, в панике бегущих перед обнаглевшим противником..."

Далее шел перечень из 9 фамилий генералов, арестованных *"за позорящую звание командира трусость, бездействие власти, отсутствие распорядительности, развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций"*.

26 июля 1941 года командующий Северо-Западного фронта генерал-лейтенант Собенников отдал приказ № 044, в котором было сказано:

"В ряде частей фронта некоторые командиры и политработники, грубо нарушают элементарные основы дисциплины Красной Армии. Они не соблюдают установленной формы одежды, не имеют на шинелях и гимнастерках петлиц, нарукавных знаков и знаков различия..."

Приказываю:

1. Командирам и военным комиссарам соединений и частей обязать всех командиров и политработников, под их личную ответственность, в трехдневный срок нашить на шинели и гимнастерки петлицы, нарукавные знаки и знаки различия. Военкому Северо-Западного фронта обеспечить соединения и части всеми необходимыми эмблемами..."

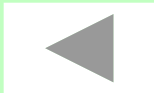
Как явно следует из приказа, позорное явление достигло таких масштабов, что нашить споротые петлицы быстрее, чем за три дня, не представлялось возможным. Примечательно и то, что командующий фронта стыдливо называет *"нарушением формы одежды"* фактическую подготовку к дезертирству и сдаче в плен врагу.

16 августа 1941 г. вышел знаменитый Приказ Ставки № 270 "О случаях трусости и сдаче в плен и мерах по пресечению таких действий". Для вящей убедительности Приказ № 270 был скреплен подписями Сталина, Молотова, Буденного, Ворошилова, Тимошенко, Шапошникова и Жукова. В констатирующей части отмечалось, что *"некоторые командиры и политработники своим поведением на фронте не только не показывают красноармейцам образец смелости, стойкости и любви к Родине, а, наоборот, прячутся в щелях, возятся в канцеляриях, не видят и не наблюдают поля боя, а при первых серьезных трудностях в бою пасуют перед врагом, срывают с себя знаки различия, дезертируют с поля боя"*. Постановляющая часть приказа № 270 гласила :

"Приказываю :

- 1. Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров. Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава.*
- 2. Попавшим в окружение врага частям и подразделениям самоотверженно сражаться до последней возможности, беречь материальную часть, как зеницу ока, пробиваться к своим по тылам вражеских войск, нанося поражение фашистским собакам.*

Обязать каждого военнослужащего, независимо от его служебного положения, потребовать от вышестоящего начальника, если часть его находится в окружении, драться до последней возможности, чтобы пробиться к своим, и если такой начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдаться в плен - уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи..."

Не прошло и месяца со дня выхода Приказа № 270, как 12 сентября 1941 г. была принята Директива Ставки № 001919. В первых строках этой Директивы, уже безо всяких экивоков ("с одной стороны...", с другой стороны...") было сказано дословно следующее :

"Опыт борьбы с немецким фашизмом показал, что в наших стрелковых дивизиях имеется немало панических и прямо враждебных элементов, которые при первом же нажиме со стороны противника бросают оружие, начинают кричать: "нас окружили" и увлекают за собой остальных бойцов. В результате дивизия обращается в бегство, бросает материальную часть и потом одиночками начинает выходить из леса. Подобные явления имеют место на всех фронтах..."

На этот раз для борьбы с "подобными явлениями" предполагалось не ограничиваться одними только угрозами ареста семей, но и создать в Действующей армии заградительные отряды, численностью не менее одной роты на стрелковый полк.

Всего за годы войны только по приговорам военных трибуналов было расстреляно 135 тысяч солдат и офицеров – 10 дивизий расстреляных! В эту цифру не вошли те, кого расстреляли по приговорам Особого совещания НКВД, расстреляли заградотряды или командиры на поле боя. Всего же (ко всем видам наказания) военными трибуналами было осуждено 994 тысячи военнослужащих. Такого военная история еще не знала...

Книга воспоминаний М. Корякова "Освобождение души" была издана в Нью-Йорке в 1952 году. В 1941 году автору было 30 лет, войну он начал рядовым, закончил капитаном, прошел фронтовыми дорогами от Москвы до поверженной Германии, затем работал в Париже в советском дипломатическом представительстве. Чудом избежав ареста, бежал в Америку. В своей книге Коряков так описывает состояние Красной Армии осенью 1941 года:

"...Каких-нибудь четыре месяца тому назад Красная армия стояла на Немане, Буге, Пруте. Наслаждаясь легкими, молниеносными победами, отъедаясь на даровых и обильных оккупационных харчах, бойцы и командиры Красной армии были настроены захватски. То была "сталинская молодежь", выращенная в искусственном, оранжерейном климате, полная веры в гений "великого, мудрого и любимого Сталина", в "освободительную миссию Красной армии", в "непобедимость советского оружия".

Началась война... Нестойки оказались росточки веры в Сталина, выращенные в тепличном климате. Они тотчас завяли, едва на них повеяло жарким, опаляющим дыханием тяжелых и неудачных боев. На протяжении десятилетий большевизм вытраивал в молодом поколении органическую, национальную веру в Россию; теперь напористый ураган войны выдул и веру в Сталина, — в душе советского солдата стало пусто, хоть шаром покати. Так начался разброд Красной армии.

В июле и августе — первые два месяца войны — в действующую армию влились новые контингенты: миллионы крестьян Украины, Северного Кавказа, Поволжья, среднерусской полосы. Не комсомольцы, а тридцати-сорокалетние люди, новый - более глубинный - народный слой, слабо затронутый большевистской пропагандой, идеями "освобождения" Европы, наступательной войны. На памяти этих бойцов лежало другое: как в 1930-ом году большевики разоряли единоличные — отцами и дедами построенные — хозяйства, отбирали лошадей, коров и насильно загоняли в колхозы; как в 1932-ом году целые деревни, села и станции вымирали от голода, зарастали бурьянами, высылались на поселение в полярную тундру, пески Туркестана, концентрационные лагеря Колымы.

Новое пополнение принесло на фронт антисоветские настроения, которые сразу нашли отклик у "сталинской молодежи", разгромленной на границах в первые дни войны. Не только отклик, но и четкое оформление — прямую установку на пораженчество. Потеряв веру в Сталина, опустошенные душевно, молодые люди "сталинской эпохи" потянулись к немцам. Появились "нырики", прятавшиеся в погребах, подвалах. Немецкая волна прокатывалась — "нырики" вылезали. Бывшие коммунисты и комсомольцы, как правило, поступали на немецкую службу. Пожилые бойцы переодевались в крестьянскую одежду, подавались ближе к родной деревне, чтобы делить колхозы и заново строить единоличные дворы. Кто не имел поблизости родной деревни, оседал в хате какой-нибудь деревенской вдовушки, солдатской женки.

На полях России разыгрывалась большая военная, социальная, политическая, но главное — глубочайшая психологическая народная драма. Неправильно думать, что миллионы русских людей пошли к немцам. Ни к немцам, ни к большевикам, а просто — куда глаза глядят... Никто не знал, чем все это кончится. Меньше всего знали в Верховной Ставке, в Кремле. Беда была не в том, что войска отступали, а в том, что войска разбрелись..."

I.13 Обсуждение ПРИЧИН такой низкой мотивации выходит за рамки исследования. Это отдельная научная проблема

Целью исследования Солонина был поиск критериев объективной оценки боевого духа (мотивации) военнослужащих и оценка морально-политического состояния Красной Армии образца 1941 года на основе найденных критериев.

В результате исследования установлен факт: в реальности (в отличие от пропагандистского мифа, довлеющего над массовым сознанием по сей день) мотивация к участию в боевых действиях у бойцов и командиров Красной Армии была весьма низкой, что и нашло свое выражение в массовом дезертирстве, массовой сдаче в плен, массовом оставлении боевой техники врагу. В конечном итоге, именно проблемы с "человеческим фактором" привели к военной катастрофы лета 41-го года.

Что же касается причин, обусловивших столь низкую мотивацию, то это отдельная, чрезвычайно сложная проблема, выходящая не только за рамки исследования М.Солонина, но и за рамки военно-исторической науки как таковой.

В самом общем виде понятно, что назвать какую-то одну причину не удастся в принципе. Мотивация - это сложный сплав умения и желания, причем оба эти компонента взаимосвязаны. Низкий уровень профессиональной подготовки командного состава Красной Армии, разрыв военной традиции, произошедший в 20-30 годы, парализующее воздействие массовых репрессий 37-го года, разорение крестьянства и организованный голод начала 30-х годов, "демобилизующий" эффект демонстративного сотрудничества с Гитлером в 39-41 г.г., антисоветские настроения значительной части населения аннексированных территориях Польши и Прибалтики, разрушенная многолетним террором привычка и готовность проявлять личную инициативу - вот далеко не полный перечень возможных причин морально-политического разложения советского общества и Красной Армии, как его составной части.

I.14 Почему эта концепция встречает огромное сопротивление (общество без будущего нуждается в мифе о славном прошлом).

Совокупный тираж книг М.Солонина в России превысил 220 тыс. экземпляров. Опубликовано десятки статей и интервью с автором. Книги переведены и изданы в Польше, Эстонии, Литве, Чехии, Словакии. Прочитаны лекции в университетах Таллина, Вильнюса, Братиславы, Бостона и Вашингтона. Концепция Солонина не осталась незамеченной - в России она была встречена резким неприятием. Причем речь идет не столько о реакции (правильнее сказать - об оглушительном молчании) функционеров официальной российской исторической науки, а о возмущенном голосе "широких народных масс". Такая реакция на строго документированное научное исследование прискорбна, но не случайна.

Критическая оценка своего прошлого, признание совершенных ошибок - это роскошь, доступная лишь здоровому обществу, спокойно и уверенно смотрящему в свое будущее. Страна, которая пытается заглушить ощущение своей неполноценности воинственными криками и трибунными призывами, нуждается в утешительной сказке про славное прошлое, про "золотой век", который хотя бы когда-то был. Страх перед будущим неизбежно трансформируется в яростное неприятие горькой правды о минувшем.

www.solonin.org

Управление просмотром

Уважаемый читатель,

Данная презентация содержит более 130 слайдов, включая карты, схемы, фото и различного рода дополняющие материалы. Просмотр их всех требует достаточно большого времени, и главное – внимания и готовности со стороны читателя.

Уважая ваше время, мы разбили информацию на уровни, и простой просмотр предусматривает лишь 17 основных слайдов (первый уровень) – два из них это заглавный и финальный. Информационные слайды первого уровня отличает голубой фон. Большинство слайдов первого уровня в тексте содержат гиперссылки на слайды более глубоких уровней (всего их три: второй- зеленый, третий – серый) и иллюстрации. Кроме того, на слайдах первого уровня есть ссылка на [оглавление](#), откуда вы можете перейти к любой из 14 тем первого уровня.

Это позволяет Вам самостоятельно управлять презентацией и определять, сколько слайдов и какие темы просматривать.

Не забывайте, что если вы находитесь просмотре первого уровня (синий слайд), кнопка Esc приведет к выходу из презентации вообще.